

МАРШАЛЫ СТАЛИНА

СЕРГЕЙ

КРУГЛОВ

ДВА ДЕСЯТИЛЕТИЯ В РУКОВОДСТВЕ ОРГАНОВ
ГОСБЕЗОПАСНОСТИ И ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР

**Юрий Николаевич Богданов
Сергей Круглов. Два
десятилетия в руководстве
органов госбезопасности
и внутренних дел СССР
Серия «Маршалы Сталина»**

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18397929

*Сергей Круглов. Два десятилетия в руководстве органов
госбезопасности и внутренних дел СССР. Документальная повесть /
Ю.Н. Богданов.: Алгоритм; Москва; 2015
ISBN 978-5-906817-40-2*

Аннотация

Жизнь Сергея Никифоровича Круглова, без всяких преувеличений, была неотделима от судьбы нашей страны. Помимо вопросов обеспечения общественной безопасности и правопорядка, возглавляемое генерал-полковником Кругловым С.Н. Министерство внутренних дел вело огромную работу по строительству в тяжелейших природных и климатических условиях железных и шоссейных дорог, добыче полезных ископаемых, возведению промышленных предприятий и

объектов атомной отрасли, сооружению водных путей и гидроэлектростанций. «За успешное выполнение специальных правительственных заданий» только орденом Ленина Круглов С.Н. награждался пять раз, а за обеспечение безопасности при проведении Ялтинской и Потсдамской конференций был удостоен высших наград США и Великобритании.

Опираясь на документальные материалы и воспоминания свидетелей, автор книги Богданов Ю.Н. рассказывает об интересной судьбе простого русского паренька из Ржевского уезда Тверской губернии, получившего прекрасное образование и совершившего блестящую служебную карьеру, которая, по прихоти партийных вождей, весьма трагически и совершенно незаслуженно оборвалась.

Содержание

1. Предисловие	6
2. Детство. Комсомольская юность	21
3. Учёба в институтах	40
4. В центральном аппарате НКВД СССР	63
5. В интересах страны	94
Конец ознакомительного фрагмента.	128

**Юрий Богданов
Сергей Круглов. Два
десятилетия в руководстве
органов госбезопасности
и внутренних дел СССР**

Издано при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы «Культура России (2012–2018 годы)»

1. Предисловие

Широкая популярность, к которой Сергей Никифорович Круглов, в силу своей исключительной скромности, никогда не стремился, обошла стороной этого крупного государственного руководителя и общественного деятеля советского времени. В органах госбезопасности и внутренних дел Круглов С.Н. проработал меньше двадцати календарных лет, но постоянно занимал в Центральном аппарате высокие руководящие посты. Очевидно, его назначениям способствовало то обстоятельство, что, в отличие от других руководящих работников, имевших, как правило, «низшее», как тогда указывали, среднее или среднее техническое образование, он получил полноценное высшее образование, владел английским и японским языками. К тому же обладал прекрасными организаторскими способностями, широким кругозором, умел подбирать к себе в команду инициативных, знающих и толковых работников, относился к ним с уважением, ценил их человеческие качества. В годы Великой Отечественной войны, сохраняя пост заместителя наркома внутренних дел СССР, Круглов С.Н. в качестве члена Военного совета принимал непосредственное участие в боевых действиях войск Резервного и Западного фронтов, обеспечивал возведение оборонительных сооружений на подступах к Москве, командовал 4-й Саперной армией. Советским пра-

вительством ему давались ответственные поручения по организации обслуживания и охраны делегаций трёх великих держав на Ялтинской и Потсдамской конференциях, а также по сопровождению министра иностранных дел СССР Молотова В.М. при его поездке в США на первое заседание Организации Объединённых Наций (ООН). С этими, как и со всеми другими ставившимися перед ним серьёзными задачами, Круглов С.Н. справился блестяще, что отмечалось не только нашим руководством, но и высшими зарубежными деятелями. После войны, в период восстановления разрушенного в ходе боевых действий народного хозяйства, на Министерство внутренних дел, возглавлявшееся Кругловым С.Н., были возложены крайне сложные и объёмные, разносторонние задачи. Волею высшего руководства это министерство работало сразу в нескольких направлениях: обеспечение общественного порядка, ликвидация чрезвычайных ситуаций и строительство по всей стране (часто с последующей эксплуатацией) транспортных, промышленных и жилых объектов. К этому следует также добавить широкое участие в реализации атомного проекта. Несмотря на все имевшиеся трудности, крайне сжатые сроки, дававшиеся на выполнение серьёзнейших задач, практически все правительственные задания успешно выполнялись. Огромная заслуга в этом как организатору принадлежала Министру внутренних дел генерал-полковнику Круглову С.Н. «За образцовое выполнение заданий правительства», как обычно формулировалось

в Указах Президиума Верховного Совета СССР, Сергей Никифорович, помимо других наград, был пять раз удостоен ордена Ленина. В плане общественной деятельности Круглов С.Н. неоднократно избирался депутатом Верховного Совета СССР, Московского городского и ряда периферийных Советов депутатов трудящихся. По партийной линии входил в состав Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза (ЦК КПСС).

Вместе с тем служебная карьера этого выдающегося государственного и общественного деятеля сложилась в итоге весьма драматично, причём исключительно по прихоти тогдашнего фактического главы Советского государства, первого секретаря ЦК КПСС Хрущёва Н.С. Занявшись беспардонным разгоном старых кадров, «наш Никита Сергеевич», как его «демократично» пропагандировала партийная элита, повелел без достаточных оснований снять Круглова С.Н. с должности министра внутренних дел, а потом, собрав на него совершенно несерьёзный компромат, исключить из партии и лишить законной пенсии. Увы, такая расправа с незаурядной личностью, отдавшей все свои силы и здоровье служению Отечеству, являлась достаточно типичной в нашей стране не только в советские времена.

Судьба Сергея Никифоровича Круглова, документальную книгу о жизненном пути и служебной деятельности которого я ранее написал [1], а теперь, после доработки, переиздаю по рекомендации Общества изучения истории отечествен-

ных спецслужб, давно лично меня волновала. Это связано с тем, что я не только прослышал со стороны о его государственной и общественной деятельности, но мой отец Богданов Н.К. много лет успешно работал под непосредственным руководством Круглова С.Н. Кроме того, Сергея Никифоровича я знал лично, хотя это обстоятельство, конечно же, следует отнести к разряду знакомств детей с родителями своих юных друзей. Интересно, что встреча эта произошла не только по линии совместной работы отцов, но и совершенно независимо, по школьным увлечениям.

Мой отец Николай Кузьмич Богданов впервые лично встретился с Сергеем Никифоровичем Кругловым в 1940 году, хотя до этого они, вполне вероятно, неоднократно слышали друг о друге. Где-то в июне месяце этого года старший лейтенант госбезопасности (гб) Богданов Н.К., работавший тогда начальником Красногвардейского районного отдела НКВД города Ленинграда, был вызван в Москву, в Отдел кадров Наркомата внутренних дел для получения назначения на новую должность. Заместителем наркома внутренних дел и начальником Отдела кадров НКВД СССР в это время являлся комиссар гб III ранга Круглов С.Н. Он-то как раз «на основании материалов и личной беседы» составил и 13 июня 1940 года подписал Заключение с предложением «выдвинуть тов. Богданова Н.К. на должность заместителя Народного комиссара внутренних дел Казахской ССР», которое утвердил нарком внутренних дел СССР Бе-

рия Л.П. Следует отметить, что Богданов Н.К. оправдал оказанное ему доверие и в 1943 году, имея «исключительно положительные характеристики», был назначен уже наркомом (с марта 1946 года стал министром) внутренних дел Казахской ССР. Однако в 1946 году с приходом нового первого секретаря ЦК компартии Казахстана Боркова Г.А. у «хозяина республики» возникли претензии к принципиальной позиции, занимавшейся Богдановым Н.К., и партийный босс обратился в ЦК ВКП(б) с просьбой перевести своего министра внутренних дел в другой регион страны. Генерал-полковник Круглов С.Н., ставший в это время министром внутренних дел СССР, решил взять Богданова Н.К. непосредственно под свою опеку в Центральный аппарат и после согласований назначил его начальником Главного управления шоссейных дорог (ГУШОСДОР) МВД СССР. Успешно зарекомендовав себя при руководстве крупнейшим Главком, в 1948 году мой отец был выдвинут на должность заместителя министра внутренних дел СССР и постепенно, в связи с кадровыми перестановками, к 1953 году занял положение одного из ведущих замов Круглова С.Н., отвечавшего за работу ряда основных Главков, Управлений и Отделов министерства.

В это время подростки руководящих отцов нашли свои пути знакомства. Получилось так, что мы с моим старшим братом Владимиром, с возрастной разницей в два класса, учились в Москве, в мужской средней школе № 135. В

этой же школе в промежуточном между «братьями Богдановыми» классе учился сын Сергея Никифоровича Валерий Круглов. Дочь Сергея Никифоровича Ирина посещала находившуюся рядом женскую среднюю школу № 131 и училась в классе, соответствовавшем по возрасту классу моего брата. Для учащихся старших классов руководство соседних школ устраивало вечера встреч и танцев. На одном из таких мероприятий как раз и познакомились мой брат Владимир и Ирина. Вне зависимости от каких-либо служебных отношений отцов, Володя просто начал ухаживать за понравившейся ему симпатичной девушкой. Постепенно сложилась небольшая молодёжная компания, в которой мужскую сторону представляли одноклассники моего брата Миша Голубев, Лёня Шепшелевич, Юра Брегадзе, Валя Зингер и другие ребята. Прекрасная сторона состояла из подруг Ирины – Жени Завенягиной, Тани Филипповой, Тамары Рясной и ещё нескольких девушек. По выходным дням молодёжь устраивала танцевальные вечеринки, чаще всего у Богдановых или у Кругловых. Валерия и меня, как более младших по возрасту, на эти встречи «допускали», но мы, не имевшие тогда своих подруг, играли «вспомогательную роль». Мне, например, после общего чаепития доставалось, как правило, заводить пластинки для танцевавших пар.

Вот так, находясь «в свите» своего брата, я побывал на квартире и даче Кругловых, где познакомился с Сергеем Никифоровичем, добродушно относившемся к молодёжным

развлечениям, и его женой Таисией Дмитриевной, старавшейся, как и моя мама Нина Владимировна, с пониманием и хлебосольством принимать у себя дома компанию юношей и девушек.

Смерть Сталина И.В. в марте 1953 года послужила причиной внесения существенных изменений в государственный аппарат, что отразилось на судьбах и наших отцов. Объединённое с госбезопасностью Министерство внутренних дел возглавил Берия Л.П., а Круглов С.Н. стал его первым заместителем. Богданова Н.К. новый министр направил в Ленинград начальником областного Управления внутренних дел с личным поручением разобраться и навести там законность и порядок после небезызвестного «ленинградского дела». Наша семья должна была переехать на берега Невы, где мой брат Владимир, окончивший в этом году школу с золотой медалью, поступил учиться в Ленинградскую Краснознаменную Военно-Воздушную инженерную академию имени А.Ф. Можайского. Расстояние проверяет чувства. Поскольку так получилось, что мы с мамой продолжали жить в Москве, какое-то время старший брат давал мне по междугороднему телефону поручения направиться с коробкой конфет к Ирине и от его имени поздравить её с днём рождения или иным праздником. Однако неожиданно развернулись весьма драматичные политические события. После ареста Берия Круглов С.Н. вновь был назначен министром внутренних дел СССР. А вот Богданова Н.К. во время проведения

бурной кампании по «разоблачению банды Берия» Ленинградский обком представил «бериевцем», «врагом народа» и «негодным работником». Отцу в трудной борьбе, благодаря заступничеству Хрущёва Н.С., удалось отстоять свои честь и достоинство, однако он не имел желания дальше работать в среде ленинградских коммунистов, сначала обливавших его грязью, а потом отказавшихся от своих обвинений, и попросил о переводе в другое место. В 1955 году было организовано Министерство внутренних дел РСФСР и Богданова Н.К. перевели в Москву, назначив в это новое ведомство на должность заместителя министра. Прекрасно зная существовавшие порядки и опасаясь, чтобы за его «грехи» в Ленинграде не «отыгрались» на старшем сыне, отец организовал перевод Владимира в столичную Военно-Воздушную инженерную академию имени профессора Н.Е. Жуковского, в которую я только что поступил учиться. Мой брат, получивший вскоре офицерское звание техник-лейтенант, оказался избалованным вниманием прекрасных девушек, а потому несколько позабыл о своей прежней привязанности. Порабивав сердца многих милых подружек, Владимир, окончив в 1959 году академию, уехал служить в воинскую часть холостяком, так и не отдав предпочтения ни одной из окружающих его претенденток на руку и сердце.

Между тем Хрущёв Н.С., сосредоточивший всю власть в своих руках, начал беспардонный разгон старых кадров, в том числе и в Министерстве внутренних дел, назначая пре-

данных ему партийцев на ключевые посты. По своему трагизму дальнейшая служебная стезя наших отцов стала во многом схожей. В 1956 году Круглов С.Н. был смещён с должности министра внутренних дел и как бы откомандирован (с сохранением воинского звания генерал-полковника) в Министерство строительства электростанций. Но через год его уволили в запас и отправили «в ссылку» в Кировский совнархоз. В этом же 1957 году Богданова Н.К. обвинили в нарушении «социалистической законности», но отцу удалось тогда доказать свою правоту. В 1958 году Круглова С.Н. освободили от работы в Совнархозе в связи с переходом на инвалидность, но не разрешили вернуться в Москву. В 1959 году Богданова Н.К. по прежним обвинениям сняли с должности заместителя министра по служебному несоответствию. Круглова С.Н. в это время исключили из партии и полностью лишили пенсии от МВД. Богданову Н.К. также внесли «ограничение в пенсионное обеспечение» и исключили из партии. Через несколько месяцев Богданову Н.К. удалось восстановить своё членство в рядах КПСС, но вопрос о партийности Круглова С.Н. так и не был решён положительно и в дальнейшем. С 1960 года Николай Кузьмич стал работать в Управлении отделочных работ Первого строительного-монтажного управления Министерства среднего (атомного) машиностроения. Сергей Никифорович, имея инвалидность второй степени, продолжать постоянную работу не имел возможности.

Но жизнь продолжалась своим чередом. В 1963 году Ирина Круглова вышла замуж. Двух своих сыновей, Сергея, а затем Дмитрия, она производила на свет в Роддоме № 6 имени Крупской Н.К., где встретилась и по-доброму общалась с моей мамой, работавшей в ту пору в этом «богоугодном заведении» врачом, акушером-гинекологом. Естественно возникшие женские и детские проблемы, по которым Нина Владимировна с удовольствием консультировала молодую мамочку, имели живой интерес и установили между женщинами долголетнюю тесную связь.

Взаимное внимание и поддержка между старшими Кругловыми и Богдановыми, а также детьми, сохранялись до последних дней их земной жизни, а с более молодым поколением внуков уважительные отношения продолжаются и сейчас.

Сергей Никифорович являлся единственным представителем от высшего руководства Министерства внутренних дел, пришедшим в 1972 году, вместе с дочерью Ириной Сергеевной, проводить Николая Кузьмича Богданова в последний путь.

На фотографиях похорон Сергея Никифоровича Круглова в 1977 году запечатлена моя мама Нина Владимировна.

В 1990 году Ирина Сергеевна с сыном Дмитрием стояли у гроба моей мамы.

В 1992 году ушёл из жизни Владимир Николаевич Богданов.

В 2007 году родственники и друзья семьи Кругловых отметили 100-летие со дня рождения Сергея Никифоровича сначала у семейной могилы на Новодевичьем кладбище, а потом в Центральном музее МВД России.

У этой семейной могилы простились навсегда в 2009 году с Валерием Сергеевичем Кругловым, а в 2011 году – с Ириной Сергеевной Кругловой-Сироткиной.

Так переплелись судьбы отцов, их семей, детей и внуков.

Если в детские и юношеские годы мы, может быть, просто не задумывались о «трудных» вопросах, то теперь, по прошествии многих лет, глубоко осознаём, как много и напряжённо работали наши отцы, какую громадную ответственность несли на своих плечах, как не жалели для дела собственных сил и здоровья, как любили они свои семьи, насколько преданы были родному Отечеству. Их жизнь и деятельность достойны подробного описания и могут служить примером того, как трудились люди старшего поколения, не ища личной выгоды, и в непростых условиях существовавшей тогда общественно-политической обстановки умели сохранять своё собственное лицо, не поступаться честью и достоинством.

О своём отце Богданове Николае Кузьмиче я написал и в 2002 году издал книгу «Строго секретно. 30 лет в ОГПУ-НКВД-МВД» [2] (которая в 2013 году, по рекомендации Общества изучения истории отечественных спецслужб, была переиздана [3]). В этом документальном труде много стра-

ниц посвящено и его непосредственному начальнику Круглову С.Н., с которым, как рассказано выше, служебная стезя навсегда свела вместе двух замечательных людей. В то же время незаурядная личность Сергея Никифоровича, его масштабная деятельность и семейная жизнь не были в то время описаны достойно. Официальные данные о Круглове С.Н. имелись в нескольких фундаментальных изданиях в виде биографических справочников о работниках Государственного аппарата и Центрального Комитета партии, Энциклопедии МВД и Столетней истории этого министерства [4–12]. В семейном архиве сохранились информационные материалы по выборам Круглова С.Н. в Верховный Совет СССР 1954 года и Кировский обком КПСС 1958 года [13–17]. Там же оказались несколько журнальных и газетных статей [18–24], в числе которых две стародавние [17,18], да одна зарубежная [25], повествующих о служебной деятельности и жизни Сергея Никифоровича, причем не всегда объективно. Лишь в книге Некрасова В.Ф. «Тринадцать «железных» наркомов» [26] одна глава была посвящена Министру внутренних дел СССР Круглову С.Н.

В связи с этим ещё в 2005 году автор в содружестве с Ириной Сергеевной и Валерием Сергеевичем взялся за написание документальной монографии о жизненном и служебном пути их отца Сергея Никифоровича Круглова. На первом этапе совместной деятельности нашей творческой группой были собраны документы и, благодаря инициативе сотруд-

ников Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ), в данном архиве создан Личный фонд Круглова С.Н. № 10146 [27]. Несколько ранее там же автором был образован Личный фонд Богданова Н.К. № 10145. За это подвижничество мы выразили искреннюю признательность заведующему Архивохранилищем государственных, общественных деятелей СССР и Российской Федерации ГА РФ заслуженному работнику архивного дела Зелову Н.С., а также сотруднице архива Хить Л.И., обработавшей собранные документальные материалы. Огромная благодарность была выражена ныне ушедшим из жизни сотруднику ГА РФ Кокурину А.И. и работнику Объединенной редакции МВД России Морукову Ю.Н. за собранные и предоставленные нам документальные материалы о Круглове С.Н. и истории НКВД-МВД СССР.

Автор высказал тогда большую признательность сотрудникам Центрального музея МВД России: руководителю группы формирования фондов Шевченко А.Г. и бывшему начальнику этого отдела Озеровой Г.Д., предоставившим имевшиеся в их распоряжении материалы о жизненном и служебном пути Круглова С.Н. [28].

В 2006 году издательство «Вече» выпустило в свет монографию о Сергее Никифоровиче Круглове «Министр сталинских строек. 10 лет во главе МВД» [1]. Автор сразу же обратился к Министру внутренних дел Российской Федерации, в Советы ветеранов МВД разных уровней, в Главное управ-

ление кадров и учебные заведения МВД с предложением использовать данную книгу для проведения патриотической работы среди личного состава и ветеранов органов внутренних дел и внутренних войск, а также выступил с пожеланием достойно отметить 100-летие со дня рождения Круглова С.Н. [29].

На фоне достаточно вялой реакции на эти предложения со стороны официальных органов, тогдашний начальник Центрального музея МВД России полковник внутренней службы Евдокимов В.А. и его заместитель (ныне начальник этого Музея) полковник внутренней службы Белодуб А.Г. организовали в 2007 году торжественное мероприятие, посвящённое 100-летию со дня рождения Сергея Никифоровича Круглова с приглашением родственников, сослуживцев и друзей семьи Кругловых. Выражаем им за это огромную благодарность. Здесь необходимо отметить также сотрудницу музея Безрукову Л.А., подготовившую к этому событию специальную Тематическую выставку о генерал-полковнике Круглове С.Н. В печати было опубликовано несколько статей, посвящённых юбилейной дате [30–33].

Половина тиража книги «Министр сталинских строек» была безвозмездно передана автором Российскому совету ветеранов органов внутренних дел и внутренних войск с пожеланием распространить это литературное произведение среди сотрудников и ветеранов МВД, что и было сделано [29].

Автор выражает свою признательность президенту Общества изучения истории отечественных спецслужб Здановичу А.А., учёному секретарю Лашкулу В.Ф. и членам общества Хлобустову О.М. и Комиссарову В.М., рекомендовавшим монографию о Круглове С.Н. на получение гранта для повторного выпуска в свет издательством «Алгоритм». Выражаю также признательность сотруднику ГА РФ Лебедеву В.Д. за содействие в получении дополнительных архивных материалов о служебной деятельности генерал-полковника Круглова С.Н.

2. Детство. Комсомольская юность

Сергей Никифорович Круглов родился 2 октября 1907 года (по новому летосчислению) в деревне Устье Зубцовского района Тверской губернии (ныне области) «в семье крестьянина-бедняка» (так сказано в автобиографии, написанной 25 декабря 1948 года). В Биографическом энциклопедическом словаре Залесского К.А. [10] неправильно указано: «настоящая фамилия – Яковлев». Как раз из-за методов советской паспортизации деревни получилось так, что сын сохранил свою родовую фамилию, а отца и мать записали (подобное часто тогда делалось) по отчеству мужа, точнее, по имени его отца, который, оказывается, об этом очень просил. Во всяком случае, в церковно-приходской книге, в которой «в царские времена» велась священная запись актов «гражданского состояния», указано, что «у крестьянина Круглова» 19 сентября 1907 года (по старому летосчислению) родился сын Сергей. Кроме того, в Личном фонде № 10146 ГАРФ имеется Справка из ЗАГСа, выданная «взамен метрической выписки», в которой сказано: «Погорельский Вол-исполком (Волостной исполнительный комитет) настоящим удостоверяет, что гражданин Тверской губернии, Ржевского уезда, Погорельской волости, деревни Устье Круглов Сергей Никифорович действительно родился 1907 года 19 сентября. Акт рождения записан в метрической книге за № 99 за

1907 год» [27]. По новому летосчислению датой рождения Сергея Круглова стало 2 октября 1907 года.

В начале тридцатых годов при оформлении паспортов Никифору Яковлевичу и его жене Любви Игнатьевне выдали документы на фамилию Яковлевых. Да и во всей деревне Устье родственники, видно из-за русского наплевательского отношения к юридическим формальностям, поделились на Кругловых и Яковлевых, не придавая этому особого значения. Так, даже среди родных братьев Никифора, например, Николай носил фамилию Круглов, а Кузьма звался Яковлевым.

Дед Яков Николаевич Круглов, от чьего имени и пошла гулять новая фамилия, являлся крестьянином-середняком. У него родилось 12 детей, половина из которых умерла в раннем возрасте. После того как глава семьи поделил обрабатывавшуюся его семьей землю между шестью своими ставшими самостоятельными и женатыми сыновьями Владимиром, Игнатом, Кузьмой, Николаем, Борисом и Никифором, все они в этом малоземельном краю «фактически превратились в безземельных крестьян-бедняков». Во всяком случае, Никифору Яковлевичу досталось «полдушины земли». То есть, по трезвым крестьянским расчётам, этот клочок плодородной почвы был в состоянии в течение года прокормить лишь «полчеловека» или, корректнее, всего лишь одного человека на протяжении полугода. В 1900 году Никифор женился на 16-летней девушке Любе, которая жила в деревне за Волгой

да пела так, что по другую сторону великой реки слышно бывало. У Никифора с Любой родилось много детей, но большинство из них поумирало из-за голода и болезней. В живых остались лишь Сергей (Круглов) да Василий (Яковлев).

Поскольку крохотный надел земли не мог прокормить семью, пришлось перебираться в город. В 1909 году, когда Сергею не было ещё и двух лет, горемыки уехали из родного края в Санкт-Петербург, где Никифор Яковлевич из крестьянина превратился в пролетария, поступив работать сначала на завод «Новый Леслер», потом «Галерный островок», который затем стал называться заводом имени Марти. Могучий ростом, крепкий русский мужик стал молотобойцем. В связи с этим в одном справочном издании указано, что Сергей Круглов являлся «сыном крестьянина» [10], в другом говорится, что он «родился в семье рабочего-молотобойца» [9]. Последнее «социальное происхождение» больше подходит для его родного брата Василия Никифоровича Яковлева, родившегося в городе на Неве 6 января 1912 года.

В Северной столице России Кругловы-Яковлевы вместе с семьями других рабочих жили в бараках, поставленных так тесно, что на вытоптанной в проходах между домами земле не было вообще никакой зелени. О трудностях развития раннего капитализма в России, жестокой эксплуатации рабочих, тяжёлом бытовом обустройстве бесправных тружеников достаточно красочно написано хотя бы в произведениях пролетарского писателя Максима Горького.

Начало Первой мировой войны совпало с тем временем, когда Сергей Круглов пошёл учиться в начальную школу, сохранив настойчивое желание пополнять свои знания и в дальнейшем. Благодаря тому, что Никифор Яковлевич имел достаточно высокую квалификацию в нелегком деле молото-бойца, в годы войны он не был призван в армию, а после Октябрьской революции продолжал работать на заводе имени Марти и других заводах вплоть до 1943 года, когда по инвалидности вышел на пенсию и сменил профиль своей трудовой деятельности.

Вместе с тем в 1919 году в связи с начавшимся в Петрограде голодом мать семейства Любовь Игнатьевна вместе с сыновьями, двенадцатилетним Сергеем и семилетним Василием, вынуждена была вернуться в родную деревню Устье, чтобы иметь возможность хоть как-то прокормить себя и детей. Об этом времени в своей автобиографии Сергей Никифорович писал: «Материальное положение родителей оказалось тяжелым, сильно нуждались, жили продажей тех вещей, которые привезли из города. В летнее время пришлось прирабатывать и мне в качестве подпaska в различных деревнях» [28]. Потом всё-таки вспоминалось, что после прокопченного в смраде индустриализации города даже удивительно было, особенно детям, что здесь, на просторе полей и лесов росла зелёная трава, по которой можно было бродить босиком или даже поваляться на «луговом газоне» в своё удовольствие.

Несмотря на все житейские трудности, желание продолжать учёбу возобладало в Сергее, хотя имевшихся у него познаний вполне хватило бы для исполнения обязанностей подпaska. Любознательный юноша поступил в Никифоровскую Единую Трудовую школу 1-й ступени, которая находилась от деревни Устье почти за десять километров, и по дороге к ней приходилось переправляться через две речки. Количество изучавшихся в школе предметов было достаточно обширным: русский язык, арифметика, геометрия, история, география, естественная история, физика, рисование, лепка. К сожалению, «по причинам, от учащихся не зависящим», программа обучения в Трудовой школе в 1919 году в полном объёме оказалась не выполненной. 25 июня «сын гражданина Тверской губернии, Зубцовского уезда, Столыпинской волости, деревни Устье Круглов Сергей Никифорович, родившийся 19 сентября 1907 года», получил написанное от руки Удостоверение № 7 с подписями девяти членов Никифоровского Школьного Совета и круглой печатью о том, что он «окончил курс учения», прослушав указанные выше предметы. Однако этот документ, свидетельствовавший о незавершённости начального образования, не давал возможности поступить в школу второй ступени. Тогда при Никифоровской Трудовой школе для детей, желавших продолжить учёбу, была организована «подготовительная для школы 2-й ступени группа», которая продолжила занятия по прежним предметам. Через год, 14 июня 1920 года, Сергей

Круглов получил новое, отпечатанное на пишущей машинке Удостоверение № 25, которое подтверждало его подготовленность к продолжению школьного образования.

Следующие два года «гражданин Тверской губернии, Ржевского уезда, Столыпинской волости» Круглов С.Н. посвятил учёбе в Спасской Советской школе 2-й ступени, где «действительно окончил 2-й класс», что и удостоверялось соответствующей бумагой «с приложением печати» от «сентября 3 дня 1922 года». Далее в течение двух лет учёба продолжилась в Зубцовской Советской школе 2-й ступени, чем завершено было получение среднего образования. По постановлению Школьного Совета от 18 июня 1924 года Круглову Сергею Никифоровичу, гражданину (с перечислявшимися выше «регалиями») выдали изготовленное типографским способом Удостоверение № 72, в котором указывалось, что он окончил полный курс школы 2-й ступени, «обнаружив достаточное общее развитие и удовлетворительные познания по нижеследующим предметам: Русскому языку и Словесности, Алгебре, Геометрии и Тригонометрии, Физике, Геологии, Гигиене, Естествознанию, Химии, Обществоведению, Географии, Политграмоте и Политэкономии, Графическим искусствам, Немецкому языку и Пению». Перечень предметов, с уважением записанных с заглавной буквы, говорит о том, что к делу народного образования в Советской стране стали подходить весьма серьезно и разносторонне [27].

Ещё в период обучения в средней школе Сергей приоб-

щился к общественной работе и трудовой деятельности. Порождающий ныне кое у кого скептическую улыбку «ветер революционных перемен» вызвал широкое движение народных масс. В газете «Ленинский путь» за 29 октября 1968 года под заголовком «Озарённые пламенем революции» была опубликована групповая фотография «организаторов и активистов Зубцовской уездной организации РКСМ (Российского Коммунистического Союза молодежи)». Автор статьи указывает, что «эта фотография сделана в незабываемом 1919 году». Среди юношей и девушек, которые «собранны и серьёзны», готовы «победить или умереть», стоит крайний слева Сергей Круглов. Даже на этом, достаточно несовершенном изображении, прекрасно видно, что речь идёт о мальчишке, совсем ещё юноше, небольшого роста, в наглухо застегнутом осеннем пальто и нахлобученной до самых глаз зимней шапке. В ту пору, к которой отнесена старинная фотография, Сергею едва исполнилось 13 лет. В опубликованной ниже статье члена партии с 1917 года Логинова Д.М., также изображённого на этом снимке, говорилось о том, что «созданию организации комсомола предшествовала длительная политическая и организаторская работа большевиков среди рабоче-крестьянской молодежи», в том числе и в Зубцовском районе. Созданная в марте 1918 года партийная ячейка сразу обратила своё внимание на работу с молодым поколением тружеников. Необходимо было добиться повышения политического сознания молодёжи, привле-

чения её к активному участию в социалистическом строительстве, мотивировать вступление лучших представителей юношества в коммунистическую партию. Задачи в то время стояли сложные: борьба с голодом и разрухой, проведение социалистических преобразований в городе и деревне, подготовка к защите Советской республики от посягательств внутренней и внешней контрреволюции. Трудовая молодёжь, разбуженная происходившими переменами, стремилась к новой жизни, к овладению культурой и знаниями. Это стало хорошим, здоровым началом. По инициативе активистов был создан молодёжный клуб, который превратился в центр массовой и организаторской работы. Здесь устраивались доклады и лекции, велись диспуты на различные темы. Был собран хор, ставились спектакли, устраивались игры и танцы. В период Гражданской войны формировались отряды красногвардейцев, которые отправлялись на фронт. Созданные комсомольские ячейки помогали партийным организациям проводить массово-политические кампании, боролись с дезертирством и спекуляцией, участвовали в выполнении заданий по заготовке и вывозке дров, проводили субботники по разгрузке и погрузке вагонов на станциях. Среди первых организаторов и вожаков молодёжи был назван и Сергей Круглов.

Действительно, через некоторое время после возвращения из Питера на свою «малую родину» несовершеннолетнего пацана, подрабатывавшего пастухом в деревнях Устье,

Прокошево и Вороново, избрали председателем Совета бедноты родной деревни. В 1923 году, после организации в селе Никифоровское местной комсомольской ячейки, Сергей Круглов в возрасте 16 лет вступил в комсомол, в работе которого с этого времени и до 1932 года принимал активное участие.

Согласно официальным документам, длительный трудовой путь (который почему-то потом не был засчитан в общий стаж работы) Сергей Никифорович начал сразу после окончания средней школы. В июне 1924 года, во время перевыборов Советов, шестнадцатилетнего земляка как активного комсомольца избрали членом Никифоровского районного Сельского совета Погорельской волости Тверской губернии, где он стал исполнять обязанности секретаря. Проработав полгода на технической должности, Сергей Круглов положительно зарекомендовал себя, а потому в декабре месяце был избран председателем этого Сельсовета.

В Личном фонде Круглова С.Н. № 10146 Госархива Российской Федерации (ГАРФ) [27] хранится с десятков ветхих бумажек, «подписью и приложением печати» свидетельствующих о том, что в далёкие двадцатые годы прошлого столетия они представляли собой полноправные Удостоверения, с которыми «предъявитель сего» отправлялся на выполнение служебных и партийных заданий. Самым ранним из этих документов является Удостоверение Погорельского Волостного Исполнительного Комитета Ржевского уезда Тверской

губернии от 14 февраля 1925 года за № 857 (Почтовое отделение Погорелое-Городище). В бумаге говорится о том, что «предъявитель сего есть действительно Уполномоченный от Погорельского ВИК (Волостного исполнительного комитета) тов. Круглов, каковой командирится в Никифоровский район по проведению кампании по перевыборам сельсоветов, что подписью (председателя, членов и секретаря Избиркома) и приложением печати удостоверяется».

В другом Удостоверении того же периода, выданном Погорельским Волисполкомом 3 июня 1925 года за № 3265, указано: «Дано сие председателю Никифоровского района Погорельской волости тов. Круглову в том, что он действительно командирится в гор. Ржев на уездное совещание, имеющее быть 4 июня сего года, что подписью (председателя и секретаря) и приложением печати удостоверяется» [27]. Официальные документы позволяют в какой-то мере оценить круг тех вопросов, которыми приходилось заниматься в самом начале своей служебной карьеры энергичному сельскому пареньку.

В это время по всей стране разворачивалась борьба с неграмотностью, велась работа по повышению политического и культурного уровня населения. По решению комсомольской организации, да и в соответствии с собственным желанием заниматься политико-просветительской деятельностью, в октябре 1925 года Сергей Круглов, как имевший законченное среднее образование, был направлен в село Пого-

релое-Городище в качестве заведующего избой-читальней, или попросту, «избачом». Сохранился такой отзыв об этой деятельности члена ВЛКСМ тов. Круглова С.Н.: «В зимний период руководил работой полит-читальни, каковая в своей работе имела хорошие результаты. В настоящее время работает руководителем райпропколлектива (районного пропагандистского коллектива)». В это же время, с ноября 1925 года по май 1926 года, Сергей являлся секретарем Погорельской ячейки ВЛКСМ и «проявил там себя как примерный работник», в результате чего «работа Погорельской ячейки имела положительные результаты» [27].

После того как занятия в избе-читальне, ставшей центром распространения знаний, были налажены, активного, высокорослого, набравшегося сил красавца-комсомольца решили направить на помощь сельским труженикам. В феврале 1926 года Сергея Круглова определили на работу в совхоз Вахново той же Погорельской волости. Сначала он трудился в мастерской по ремонту сельскохозяйственного инвентаря, а затем, до конца 1928 года, работал трактористом. В совхозе Сергей продолжал вести активную комсомольскую деятельность: был избран членом бюро ячейки, заведующим политпросветом, а затем секретарём этой ячейки. В отзыве отмечалось, что имелся «размах в массовой работе, выражавшийся в проведении регулярных собраний беспартийной молодежи и добросовестном отношении ко всем кампаниям, проводившимся коммунистической партией и Совет-

ской властью» [27].

В апреле 1926 года Погорельский Волисполком назначил восемнадцатилетнего Сергея в Ревизионную комиссию, которая проверяла «суммы, материалы и имущество, состоящие в ведении Волисполкома, а также производимые имущественные, заготовительные и другие хозяйственные операции». Для проведения «ревизии и обследования, а также для получения необходимых справок» Круглов вместе с другими членами комиссии был командирован в учреждения и на предприятия, подчинённые этому ведомству. Комиссия рассмотрела все касавшиеся финансово-хозяйственной деятельности дела, книги счёта и документы Волисполкома и подведомственных ему структур, приглашала для разъяснения возникавших вопросов заведующих финансово-налоговой частью и лиц, составлявших отчётность, а также, в случае необходимости, привлекала соответствующих специалистов (агрономов, техников, инженеров, врачей и др.). Итоговый акт этой комиссии нам не известен, но масштабность проверки, при которой Удостоверения ревизоров были действительны в течение больше, чем полгода, до 1 декабря 1926 года, говорит сама за себя [27].

Помимо комсомольской и ревизионной деятельности, дополнительной к основной работе тракториста, в июне 1926 года Круглов С.Н. был избран делегатом XV и XVI волостных съездов Советов Погорельской волости. На этом форуме его избрали делегатом от Погорельской волости на уездный

съезд Советов Ржевского уезда Тверской губернии. Так что обработка совхозных полей постоянно сочеталась у Сергея со всесторонним исполнением общественных обязанностей и комсомольского долга [27].

А тут ещё пришло время вставать на воинский учёт для прохождения службы в армии. 12 июня 1926 года Погорельский Волостной комсомольский комитет выдал документ с ходатайством перед Ржевским Уком (Уездным комитетом) ВЛКСМ об отправке «активного и политически выдержанного комсомольца» Круглова С.Н. «в общественно-военно-морское училище имени М.В. Фрунзе». При этом указывалось, что он «в проведении своей работы пользовался авторитетом со стороны широких крестьянских масс населения. При проверке политических знаний показал достаточное политическое развитие, и проверочной комиссией отнесён ко второй (то есть вполне грамотной) группе».

Мобилизационное отделение Ржевского уездного Военного комиссариата взяло допризывника на воинский учёт и направило на медицинскую комиссию. 23 июля 1926 года при прохождении освидетельствования состояния здоровья было установлено, что гражданин из деревни Устье (и прочие сведения о месте и времени рождения) Круглов С.Н. имел рост 178 сантиметров (окончательный рост Сергея Никифоровича был 182 см) и вес 72 килограмма, объём груди 92 сантиметра. Призывной комиссией такой могучий кадр был признан «здоровым и годным для службы в РККФ

(Рабоче-Крестьянском Красном Флоте)». Уездвоенком и начальник Морского отделения Военкомата выдали гражданину Круглову Удостоверение для представления в Ржевский Уком (Уездный комитет) ВЛКСМ с извещением о том, что к допризывнику следует теперь отнести «как предназначенному к командированию в Военно-Морские Учебные заведения» [27].

Однако в армию Сергея Круглова пока что не забрали (призывной возраст в те годы начинался после 20 лет), на учёбу в военное училище не отправили, и он продолжил свою активную общественную работу в родных краях. Так, 26 мая 1927 года секретарь Вахновской ячейки комсомола тов. Круглов был командирован в качестве делегата на Губернское совещание секретарей деревенских ячеек от Ржевской организации. На одном из заседаний он сделал доклад: «Работа ячейки с бедняком и батрацкой молодёжью».

Комсомольский вожак, подавший в 1927 году заявление с просьбой принять его кандидатом в члены ВКП(б), постоянно привлекался к работе Погорельской партийной организации. По партийной путёвке 3 июля 1927 года Сергею поручили «провести доклад» в селении Раково на собрании граждан местной кооперации на тему: «Международное положение и Советское строительство». С января по май 1928 года кандидат в члены партии исполнял поручение Волостного исполкома по распространению займа «Укрепления крестьянских хозяйств» с заключением договоров с субагентами. Од-

новременно с этим проверял работу по взиманию Единого сельскохозяйственного налога и окладного Госстрахования.

В дополнение к имевшимся нагрузкам, в 1928 году Круглова С.Н. избрали не освобождённым от основной работы членом правления Единого потребительского общества «Со-звездие», находившегося в селе Погорелое-Городищево. Через несколько месяцев, 9 октября того же года, собранием уполномоченных он был избран председателем этого правления и работал в данной должности до призыва его в Красную армию [27].

С 20 ноября по 25 декабря 1928 года здоровый и годный к воинской службе Сергей Круглов прошёл 240-часовой курс допризывной подготовки. Приписная книжка допризывника хранится теперь в Центральном музее МВД России [28].

В самом конце декабря 1928 года, сразу после возвращения с военных сборов, Погорельской сельской ячейкой товарищ Круглов С.Н. был переведён из кандидатов в члены большевистской партии. При этом была отмечена его большая общественная работа, выражавшаяся в активном участии в деятельности советских и комсомольских организаций. Как говорилось выше, за прошедшее время Сергей являлся делегатом трёх уездных конференций ВЛКСМ, двух волостных и одного районного съездов Советов, членом ревизионной комиссии. Одну из рекомендаций кандидату дал Ржевский Волком ВЛКСМ, отметив его как «честного и вполне подготовленного товарища». В соответствии

с протоколом № 7 Погорельский Волостной комитет партии на своём заседании от 4 января 1929 года, заслушав материалы первичной партийной ячейки и согласившись с ними, постановил «перевести тов. Круглова С.Н. из кандидатов в действительные члены ВКП(б)» [27]. Никак не думал тогда новоиспечённый коммунист, получая в свои руки партийный билет № 152838, что жизнь повернется совсем по-иному, и всего через три десятка лет у него коварно и бесчестно отберут эту «пурпурную книжицу», которой он чрезвычайно дорожил.

В армию Сергея Круглова призвали в октябре 1929 года, в результате чего прервалась его плодотворная деятельность председателя правления Погорело-Городищевского общества потребителей и, как оказалось в дальнейшем, вообще навсегда завершилась трудовая и общественная деятельность боевого партийца на земле его малой родины. Теперь на берег Волги, в милые сердцу края Сергей Никифорович попадет только в годы войны, чтобы увидеть спалённую немцами дотла родную деревню. Да однажды привезёт сюда своих детей, стремясь показать им дорогие места на берегу Волги и фундамент так и не восстановленной после пожара избы их деда Никифора.

Вопреки ранее рисовавшимся прожектам о море и о флоте, Призывной комиссией Ржевского уездного военкомата направлен был новобранец служить в 1-й автобронедивизион, дислоцировавшийся в Москве, в районе Хамовников. Однако с учётом того, что у бойца имелся значительный

опыт управления трактором, его здесь же в столице перевели в 3-й танковый полк. Эта войсковая часть считалась коммунистической, поскольку не только командный состав, но и все рядовые бойцы являлись членами партии. Сначала будущий генерал-полковник отбывал службу красноармейцем, затем стал командиром отделения, а через полгода исполнял должность командира танка, младшего автотехника батальона. Всё время пребывания в армии коммунист Круглов вёл, как и прежде, большую общественную работу: являлся политинформатором в Ленинском уголке, был членом полковой многотиражки «Танкист», избирался секретарём партячейки особой танковой роты, а затем членом полкового бюро ВКП(б).

Армейская служба в буквальном смысле слова оставила на Сергее свой видимый след: во время поездки на грузовике группы бойцов водитель не справился с управлением, и машина перевернулась. Многие красноармейцы получили травмы, а наш герой при падении из кузова ударился лицом о придорожный камень. На фотографиях, сделанных после этой аварии, заметно, что нос у него, скажем так, не совсем стройный, словно у опытного боксера.

Ещё до этого неприятного инцидента красноармеец Сергей Круглов сфотографировался в фотоателье на фоне нарисованного парка, сам в буденовке, форменной гимнастёрке с петлицами командира отделения, шароварах и сапогах, и отправил этот снимок своим родителям, подписав его так: «На

память от любящего сына. 28 мая 1930 года. Круглов» [27].

Военная служба продолжалась недолго, чуть больше года: стране нужны были рабочие руки. Демобилизовавшись в ноябре 1930 года как «средний командир запаса», Сергей вместе с бригадой таких же завершивших воинскую службу танкистов-красноармейцев выехал в порядке партийного шефства в Казахстан. Здесь на чернозёмных полях, раскинувшихся по берегам реки Тогузак, около одноимённой станции Кустанайской области, в условиях резко континентального климата с жарким сухим летом и холодной малоснежной зимой, квалифицированный сельский специалист проработал в течение года старшим инструктором-механиком в Учебно-опытном зерносовхозе (УОЗ) № 2 имени Голощёкина, проявив одновременно себя и активным коммунистом. В отзыве, подписанном 30 сентября 1931 года секретарём парткома, говорилось, что за время пребывания на казахстанской земле член ВКП(б) тов. Круглов С.Н. успел поработать секретарём ячейки Зональной Опытной станции, членом пленума и бюро парткома и даже исполняющим обязанности самого секретаря партийного комитета УОЗа. В связи с тем, что Сергей не просто трудился на Опытной станции, но и вёл там «исследовательскую и рационализаторскую работу», партком рекомендовал своего временного работника для поступления «на подготовительное отделение аспирантов Института Политехнического Труда».

Директор и заведующий личным столом УОЗа выдали

прикомандированному специалисту справку о том, что в период посевной и ремонтной кампании он использовался как инструктор-механик и в связи с недостатком квалифицированных кадров был задержан в зерносовхозе дольше положенного срока. Это же подтверждало и Удостоверение, подписанное руководством УОЗа 25 октября 1931 года [27].

3. Учёба в институтах

Имея за плечами лишь среднюю школу 2-й ступени, Сергей Круглов постоянно стремился к тому, чтобы продолжить своё образование. Возраст, 24 года, был ещё не так велик, но уже намекал о том, что с учёбой в вузе следовало поспешить. Возможность в этом плане представилась в конце 1931 года, когда сельский механизатор в соответствии с решением партийных органов отправился в столицу и с некоторым опозданием, обусловленным уважительной причиной, в ноябре месяце, после обычно начинавшихся в сентябре занятий, поступил в Московский индустриально-педагогический институт имени Карла Либкнехта на общественно-экономический факультет.

Это высшее учебное заведение было создано в 1923 году и называлось тогда Педагогическим индустриально-техническим институтом имени Либкнехта. В задачу этого первого советского вуза такого профиля входила подготовка преподавателей технических и специальных дисциплин, мастеров производственного обучения для профессиональных учебных заведений, рабочих факультетов, фабрично-заводских училищ и общеобразовательных школ. В начале тридцатых годов, в дополнение к Московскому институту, в Свердловске, Нижнем Новгороде и других городах появилась отраслевая группа учебных заведений, получившая название ин-

дустриально-педагогических. В соответствии с решением задачи индустриализации страны остро возник вопрос о типе инженера, необходимого бурно развивавшейся экономике страны. Вузы должны были готовить «сознательных строителей социализма». В этих условиях инженер оказывался не просто специалистом в своей отрасли, но и воспитателем, педагогом, «пропитанным идеями реконструкции и коллективизации». Естественно, специальность инженера с самого начала ее преподавания связывалась с выработкой марксистского мировоззрения, с умением подойти с этих позиций ко всем явлениям жизни. Кроме технических дисциплин, будущему специалисту давались курсы педологии, педагогики, психологии, возрастной гигиены и другие. В результате к середине тридцатых годов вуз, дававший инженерно-педагогическое образование, стал называться Московским Государственным педагогическим институтом имени К. Либкнехта [35].

Как всегда, помимо основной деятельности по изучению общественных и экономических дисциплин, Сергей Круглов продолжил свое активное участие в партийной работе. Сначала он был избран парторгом группы, потом стал секретарём ячейки ВКП(б) своего факультета. Далее масштаб общественной деятельности значительно расширился, когда активный коммунист получил доверие от своих товарищей, избравших его членом парткома, а затем и секретарём партийного комитета института.

Интересно, что, едва получив ранг студента, Сергей Никифорович с декабря 1931 года начал выступать и в роли преподавателя. В течение полутора лет, до июня 1933 года, он являлся педагогом обществоведения в Учебном комбинате при заводе «Геофизика», входившем во Всесоюзное объединение предприятий оптико-электронной промышленности. Характеризуя работу молодого преподавателя, директор заводского техникума и заведующий школой фабрично-заводского обучения отметили, что тов. Круглов работал в Учкомбинате с того момента, когда «обществоведческий цикл был на грани полного развала» из-за «вредительской деятельности руководителей учебной части». Несмотря на большие трудности в деле восстановления «пострадавшего» учебного курса, выступавший в качестве педагога студент института «проявил максимум большевистской энергии», в результате чего «обществоведческий цикл встал крепко на ноги и четко определил свою работу». Под его руководством были уточнены учебные программы и задания для учащихся, «окрепли методические организации и подобран штат обществоведов». В результате «работа обществоведческого цикла не имела ни одной политической ошибки». Как педагог Сергей Круглов был признан одним из лучших обществоведов, заслуживших «большой авторитет среди учащихся и преподавателей Учкомбината» [27].

В этот период в соответствии с решениями XVI съезда партии продолжалось развертывание «наступления социа-

лизма по всему фронту». Организаторская работа направлялась прежде всего на ускорение темпов нового промышленного строительства. Возводились индустриальные гиганты: Днепрогэс, Магнитогорский и Кузнецкий металлургические, Березниковский и Невский химические комбинаты, Уральский завод тяжёлого машиностроения, Новокраматорский машиностроительный, Челябинский и Харьковский тракторные, Московский и Горьковский автомобильные заводы. В целях повышения производительности труда среди рабочих и колхозников организовывалось социалистическое соревнование, проводились трудовые переключки коллективов новостроек, устраивались производственные смотры и конкурсы на лучший цех, бригаду, личные показатели.

В соответствии с этим общественным движением преподаватель Круглов получил на заводе «Геофизика» Книжку ударника, которая хранится теперь в Центральном музее МВД [28]. На обороте обложки документа, как это было тогда принято, приводились тематические цитаты из произведений партийных вождей советского народа. «Социализм не только не угашает соревнования, а напротив, впервые создает возможность применять его действительно широко, действительно в массовом размере, втянуть действительно большинство трудящихся на арену такой работы, где они могут проявить себя, развернуть свои способности, обнаружить таланты, которых в народе – непочатый родник и которые капитализм мял, давил, душил тысячами, миллио-

нами», – наставлял В.И. Ленин. Идеино поддерживал своего учителя и возглавлявший большевистскую партию И.В. Сталин: «Самое замечательное в соревновании то, что оно производит коренной переворот во взглядах людей на труд, ибо оно превращает труд из зазорного и тяжёлого бремени, каким он считался раньше, в дело чести, в дело славы, в дело доблести и геройства».

В Книжке типографским шрифтом были напечатаны Основные обязательства, которые по соцдоговору (социалистическому договору между руководством и отдельным работником) обязан был принять на себя каждый передовой труженик предприятия. «Я, ударник, – говорилось в преамбуле, – сознавая необходимость усиления темпов развития нашего социалистического хозяйства и в целях выполнения и перевыполнения промфинплана (промышленного финансового плана), как качественной, так и количественной его стороны, беру на себя следующие обязательства». Далее следовали пункты, во многом отображавшие те проблемы, которые стояли перед социалистическим производством:

«Как ударник, обязуюсь выполнять и перевыполнять производственные задания в установленные сроки». В общем-то, это входило в служебные обязанности работника: для того он и пришёл на предприятие, чтобы точно и чётко справляться с порученным ему делом. А вот вопрос о перевыполнении и в более поздние времена наводил на размышления: если делать чего-то больше, чем нужно, то, при чём

здесь план?

«Обязуюсь не иметь ни одного прогула и опоздания, а также бороться всеми мерами общественного воздействия с лодырями и прогульщиками». Увы, эта проблема встала в полный рост: если провозглашён свободный труд, то стоило ли каждый день ходить на работу? Советский директор не имел таких прав, как хозяин предприятия – капиталист, и без весьма веских оснований никого с завода уволить не мог, что и вело к снижению производственной дисциплины.

«Полностью изжить по моей вине брак и простои». При плановом хозяйстве простои вроде бы не должны были случаться, а вот брак, то есть некачественное изготовление продукции, всегда являлся бичом для нашего производства. В Японии, например, такого понятия, как брак, вообще не существовало. С этим вопросом был связан и следующий пункт обязательств: «Вести решительную борьбу за качественные показатели». К сожалению, качество у нас постоянно страдало в ущерб количеству, о котором с высоких трибун легче было громко заявить: «Вот мы сколько всего понаделали!»

Кроме пятнадцати Основных обязательств, из которых мы привели лишь малую часть, каждый ударник брал на себя дополнительные пункты. В отношении преподавателя С. Круглова они выглядели следующим образом. «Выполнять задания Учкомбината на 100 %», то есть проводить все занятия в сетке расписания. «Поднять производительность

труда на 10 %». Как это должен был делать преподаватель, сказать трудно, видимо, в более быстром темпе читать лекции. «Снизить прогулы и опоздания до 0 %». Действительно, опаздывать или совсем не приходить на занятия со стороны педагога было негоже. Но вот и конкретный пункт: «Подписаться на заём на сумму 275 рублей».

На последующих страницах Книжки имелись таблицы, в которых следовало ежемесячно отображать показатели по выполнению взятых на себя обязательств: процент выполнения заданий администрации и собственного встречного плана, число невыходов на работу (по уважительной и неуважительной причинам), опозданий, простоев, брака, количество и эффективность поданных рационализаторских предложений, посещение производственных совещаний, число взысканий и сделанная общественная работа. В Книжке ударника Круглова в графах за апрель и май 1933 года проставлены печатки «Обязательства по соцсоревнованию выполнены» [28].

Помимо интеллектуальной деятельности студенты должны были нести, как это и положено молодежи, физическую нагрузку, а также участвовать в боевой подготовке. За успешное выполнение спортивных норм член физкультурного коллектива института имени К. Либкнехта тов. Круглов С.Н. был награждён знаком «Готов к труду и обороне» за № 13574. Кроме того, 5 ноября 1933 года Бауманское районное отделение Московского Общества Друзей Обороны

и Авиационно-Химического строительства «МОСОАВИА-ХИМ» выдало ему Удостоверение «в том, что он имеет право носить значок «Ворошиловский стрелок» за № 37199». Это удостоверение являлось временным и подлежало обмену на «единый стрелковый билет» [27].

Повседневная занятость учебными делами, партийной работой, преподавательской деятельностью практически не оставляла свободного времени. И все же часы для прогулок пришлось находить в плотном графике всевозможных планов, поскольку в стенах своего института Сергей встретил и с первого взгляда на всю жизнь полюбил студентку физико-математического факультета Таисию Остапову, которую он называл Таиса или Тая.

Таисия Дмитриевна Остапова родилась 10 октября 1910 года в деревне Татаринки Арсеньевской волости Венёвского уезда Тульской губернии в многодетной семье крестьянина-середняка. К этому времени у Дмитрия Григорьевича и Анны Георгиевны уже было две дочери, Полина (1902 года рождения) и Елизавета (1904 г.р.), и сын Александр (1906 г.р.). Затем в 1912 году появилась на свет Мария, в 1918 году родился Николай, а в 1920 году – младшенькая Антонина.

На своей малой родине Тася в 1922 году окончила сельскую четырёхклассную школу. Для того чтобы продолжить учёбу, в возрасте 12 лет уехала в город, где поступила в Тульскую 3-ю Единую школу. Для жилья сначала снимала угол, за

что должна была работать на хозяйку. Затем младшую сестру забрали к себе Полина и Елизавета, которые перебрались в Тулу несколько раньше.

Очевидно для того, чтобы оправдать пребывание несовершеннолетней Таисии в городе, председатель Татаринского сельсовета выдал гражданину Остапову Д.Г. Удостоверение «в том, что он действительно имеет большую семью и работников он один». Далее в рукописной бумаге говорилось: «благодаря малому количеству доходов с земли, на который имеется возможность только прокормиться и уплатить налог», глава семьи не может обеспечить образование всем детям, коих имеет «семь челов». В связи с этим отец «отдает одну дочь Таису на иждивение старшей дочери 22 лет, служащей школьной работницей при Губернском отделе народного образования, что и удостоверяется». На основании этого документа 16-летняя Таисия Дмитриевна Остапова получила в Карницком сельсовете собственное Удостоверение с гербовой печатью. В нем было указано, что она действительно является дочкой крестьянина такого-то и находится на иждивении у своей сестры Елизаветы Дмитриевны в городе Туле.

В 1927 году Таисия окончила полный курс девятилетней школы и поступила на второй курс Тульского Педагогического техникума имени В.И. Ленина. Чтобы иметь средства к существованию, девушка подрабатывала официанткой, воспитательницей в детском саду, а последние полгода учёбы

даже преподавала в младших классах школы первой ступени в Богородицком районе. После окончания техникума, в июне 1930 года, получила Свидетельство о педагогическом образовании. Затем в течение двух лет работала учительницей в железнодорожной школе при станции Ясная Поляна. В характеристиках и отзывах за это время отмечено, что Таисия Дмитриевна «проявила себя как хорошая производственница, активно ведущая борьбу за ликвидацию коренного недостатка в школе». При этом она «несла ряд ответственных общественных нагрузок» в качестве председателя Месткома, «принимала активное участие в организации и укреплении колхозов» и «руководила проведением хозяйственно-политических кампаний в деревнях». В 1932 году, в счёт представленных по развёрстке мест, Тульский горком ВЛКСМ командировал активную комсомолку на учёбу в Москву на физико-математический факультет Индустриально-педагогического института имени Карла Либкнехта [27].

Конечно, назначать встречи влюбленным студентам было достаточно удобно, поскольку они проживали в одном и том же институтском общежитии на Стромынке, Сергей в мужской его части, а Таисия, соответственно, в женской. Как и у всех студентов в те трудные времена, быт обоих влюблённых являлся достаточно скромным. Для того чтобы приодеться, девичья комната приобрела в складчину приличное платье и туфли, которые надевали по очереди, кому выпадало счастье идти на свидание с молодым человеком. Точно такую

же ситуацию описывала и моя мама, рассказывая нам о годах своей учёбы на медицинском факультете Смоленского Государственного университета. Однажды Таисия на три часа задержалась с выходом на свидание из-за того, что пришлось дожидаться возвращения подзагулявшей подруги, на ногах которой были «общественные» выходные туфли. Но, перефразируя поговорку, можно сказать: нет добра без худа. В тот раз Таисия задумала, что, если Сергей всё-таки дождётся её и не станет сердиться на столь длительное опоздание, то она выйдет за терпеливого ухажёра замуж. И он её дождался! Три часа мучился и переживал, но с условленного места не ушёл. Так решилась судьба двух молодых сердец.

Поженившись 5 октября 1934 года, Таисия и Сергей продолжали оставаться в своих комнатах общежития, проживая раздельно. На скромную студенческую свадьбу приехали родители Сергея. Отец Никифор Яковлевич отнесся к выбору сына с пониманием, а матери Любови Игнатьевне невестка не очень понравилась: слишком изящная и физически слабенькая, по крестьянским меркам. Сергею пришлось даже встать на защиту своей суженой: «Это моя жена, – сказал он родителям. – Можете её не любить, но извольте уважать». В дальнейшем, а жизнь повернулась так, что тесные контакты постоянно поддерживались как с родителями, так и со всеми братьями и сёстрами, Таисия называла свекровь и свекра мамой и папой, а они величали невестку по имени и отчеству.

Увлечение партийной работой привело к тому, что в мае

1933 года Сергей Круглов был избран освобождённым секретарём парткома института и в связи с этим на некоторое время даже оставил учёбу. Вместе с тем на своём ответственном партийном посту он показал себя «как умелый организатор и руководитель партийной организации». В период его «секретарства» Институт имени К. Либкнехта во Всесоюзном соревновании вузов и втузов получил первую премию по системе Наркомпроса (Народного комиссариата просвещения). Самого партийного вдохновителя этой победы Круглова С.Н. наградили грамотой и денежной премией.

С юных лет закалённый в идеологических сражениях парторг успешно, без замечаний преодолевал постоянно проходившие в организациях ВКП(б) всех уровней партийные «чистки», поскольку в его действиях «отклонений от генеральной линии партии не было».

Вместе с тем продолжить учёбу на третьем курсе педагогического института Сергею Круглову было не суждено. В начале 1934 года решением ЦК ВКП(б) он был мобилизован и направлен слушателем на Особый сектор Московского института Востоковедения.

Вместо долгожданного диплома о высшем образовании Сергей получил 10 марта 1934 года лишь Справку о том, что «он состоял студентом Московского Государственного Педагогического института имени К. Либкнехта Общественно-экономического факультета», причем с 1 сентября 1931 года по ... – видимо, имелось в виду время, когда он стал

освобождённым партсекретарём. В документе говорилось, что «за этот период времени им пройдены и закончены следующие дисциплины»: политическая экономия, всеобщая история, история народов СССР, экономическая география, психология, физиология, технология, математика, статистика, история ВКП(б), диалектический материализм и педология. В то же время незавершёнными остались курсы по экономической политике, историческому материализму, педагогической практике, немецкому языку и ряду других предметов [27].

Московский институт Востоковедения (МИВ) имени Н.Н. Нариманова, получивший сначала название Переднеазиатского института, был создан 4 марта 1919 года декретом СНК РСФСР, подписанным В.И. Лениным, вместо бывшего Лазаревского института восточных языков. 7 сентября 1920 года вуз реорганизовали в Центральный институт живых восточных языков. Через год все московские востоковедческие учебные заведения и аналогичные отделения в различных вузах были слиты в МИВ. Институт имел ближневосточный и дальневосточный факультеты с отделениями: арабским, турецким, иранским, афганским, индийским, китайским, японским, монгольским [36].

Сергей Круглов, получив 15 декабря 1934 года Удостоверение № 853 (хранящееся теперь в Центральном музее МВД), стал студентом японского отделения и приступил к изучению языка и истории этой страны в качестве основной

дисциплины. Дополнительным языком являлся английский. К этим предметам, как и положено было в то время, присовокупились история коммунистической партии, философия, педагогика и другие предметы. Партийная работа здесь продолжилась: коммунист Круглов был сначала парторгом, а затем стал пропагандистом [28].

Вместе с тем можно себе представить, насколько было сложно сельскому российскому пареньку, никогда об этом и не мечтавшему, осваивать сложнейший язык Страны восходящего солнца. Но русская пословица говорит о том, что терпение и труд всё перетрут. О добросовестности учёбы Сергея Круглова можно судить хотя бы по содержанию курсовой работы студента, общая тетрадь с записями по которой сейчас хранится в Центральном музее МВД России. Тема работы называлась «К вопросу о революции Мейдзи», произошедшей в Японии во второй половине XIX века и оказавшей серьёзное влияние на дальнейшее развитие страны. Ровным чётким почерком убористо исписаны все страницы толстой тетради от корки до корки и к этому добавлено ещё с десятков вложенных листков [28].

Обстоятельства сложились так, что в стенах Московского института Востоковедения Круглов С.Н. проучился всего лишь полтора года, с февраля 1934 по сентябрь 1935 года. Тем не менее и за столь короткое время программу обучения он успешно освоил – ему был выдан Диплом «с присвоением квалификации переводчика по японскому языку» [27].

В октябре 1935 года по решению ЦК ВКП(б) Сергей Круглов был направлен на учёбу в Институт Красной Профессуры на восточное отделение факультета истории.

Институт Красной профессуры (ИКП) представлял собой специальное высшее учебное заведение, готовившее преподавателей общественных наук для вузов, а также работников для научно-исследовательских учреждений, центральных партийных и советских органов. Создан ИКП был согласно постановлению СНК РСФСР от 11 февраля 1921 года и находился в ведении Наркомпроса. Однако общее руководство этим учебным заведением осуществлялось агитационно-пропагандистским отделом Центрального Комитета партии. Первоначально ИКП имел три отделения: экономическое, историческое и философское. Затем к ним добавились историко-партийное, правовое, естественное и литературное отделения. Курс обучения в институте составлял 3 года [36].

Напряженная учёба Сергея Круглова продолжилась в новом учебном заведении. В Личном фонде № 10146 ГА РФ хранятся две общие тетради с конспектами лекций, прослушанных студентом Кругловым в 1935–1936 годах. Из этих тетрадей можно установить, что лекции по истории народов СССР читал Дроздов, историю Древнего мира преподавали академик Струве и профессор Сергеев, другие лекционные занятия вели Косьминский, Пионковский и Бахрушин. Как всегда, продолжалась боевая партийная работа. Коммунист

Круглов являлся редактором институтской стенной газеты, на страницах которой он, как сам пишет в автобиографии, «активно боролся за генеральную линию нашей партии, вёл беспощадную борьбу с врагами народа – троцкистами и бухаринцами» [27].

К привычным учебным и партийным нагрузкам прибавились новые, но достаточно радостные заботы: 24 августа 1935 года у Таисии и Сергея родилась дочь Ирина. Для ребёнка требовалась комната, а родители всё ещё проживали раздельно, в разных частях общежития. Поскольку перспективы с получением жилья не предвиделось, мама Тася силовым порядком заняла одну из освободившихся комнатушек и буквально забаррикадировалась в ней. Теперь семья, наконец-то, воссоединилась, и никто не решился выгнать молодых родителей с ребёнком с самовольно занятой общественной жилплощади.

Несмотря на естественные материнские заботы, Таисия Дмитриевна, теперь уже Круглова, в 1936 году успешно закончила учёбу и получила диплом вуза, который стал называться Московский государственный педагогический институт имени К. Либкнехта. Этот документ явился основанием для допуска к преподаванию математики в средней школе. В соответствии со своей специальностью в 1936–1937 годах (когда проживали на Стромынке) Круглова Т.Д. работала учительницей математики в 7–8 классах средней школы № 354 Бауманского района города Москвы. Вот как её ра-

боту характеризовали директор школы и председатель месткома: «проявила себя как очень активный, политически грамотный член педагогического коллектива. К педагогической работе относится с большим вниманием и любовью, к урокам готовится серьёзно, упорно добивается повышения качества своей работы и знаний учащихся. Тов. Круглова умеет владеть детским коллективом, дисциплина на её уроках хорошая. Была членом местного комитета, работу выполняла хорошо» [27].

Следующий учебный год Таисия Дмитриевна (в связи с переездом на жительство в коммунальную квартиру по новому адресу) преподавала математику в 6–7 классах средней школы № 589 Фрунзенского района. Здесь директор школы написал о ней так: «Занятия ведёт интересно, планомерно и методически правильно. Теоретически развита, увлекается своим предметом и тем самым даёт хорошие показатели в успеваемости учащихся. Как классный руководитель организует учащихся на учёбу и общественную работу. В школе ведёт среди учащихся большую воспитательную работу. Комсомолка, несёт большую нагрузку в качестве председателя Месткома. Выступления тов. Кругловой на собраниях и педсоветах всегда продуманы и принципиально заострены».

20 июня 1938 года, после прохождения установленного испытательного стажа педагогической работы в школе, Народным Комиссариатом просвещения РСФСР, на основании постановления Центрального Исполнительного Комитета и

Совета Народных Комиссаров Союза ССР о введении персональных званий для учителей, Круглова Таисия Дмитриевна была удостоена Аттестата с присвоением звания «Учитель средней школы».

В этот период Таисия Дмитриевна, активная комсомолка, опытный педагог с общим семилетним стажем работы, решила вступить кандидатом в члены ВКП(б), но семейные обстоятельства помешали реализовать эти планы [27].

Пройти полный трёхгодичный курс обучения в Институте Красной профессуры Сергею Круглову опять не удалось. Центральный Комитет партии, который давно уже на активного пропагандиста, умелого организатора и руководителя, как говорят, «положил глаз», в октябре 1937 года перевёл Круглова С.Н. «на практическую работу» в свой аппарат. Такое не совсем удачное завершение учёбы оказалось обусловленным ещё и тем, что институт истории был ликвидирован.

Снова вместо диплома «вечный студент» получил 5 февраля 1938 года Справку о том, что «слушатель 3 курса отделения истории Востока Института Красной профессуры истории тов. Круглов С.Н. состоял в институте с 1 сентября 1935 года по 23 января 1938 года». В течение этого времени он прослушал курсы лекций по истории СССР (по Гражданскую войну включительно), по общей истории (до 1920 года), по истории Японии (по японо-китайскую войну 1927 года) и по истории Китая (до революции 1925–1927 годов). Сдал годовые экзамены за первый курс: по истории СССР (отлично),

по всеобщей истории, Древние и Средние века (отлично), по философии и географии (отлично), по японскому (хорошо) и английскому (отлично) языкам. Сделал доклад по философии на тему: «Закон единства и борьбы противоположностей как суть диалектики» (отлично). За второй курс сдал такие годовые экзамены: по всеобщей истории и истории Японии (оба отлично), по истории Китая (удовлетворительно), по японскому и английскому языкам (оба удовлетворительно). Сделал письменный доклад на тему: «Предпосылки и движущие силы революции 1867 года в Японии» [27].

Итак, проучившись шесть лет в трёх институтах, Сергей Круглов, хотя и приобрёл глубокие и всесторонние знания, однако заветного диплома о высшем образовании из этих вузов так и не получил, причем совершенно не по своей вине. По окончании учёбы в институте Востоковедения ему был выдан диплом переводчика с японского языка. Вот почему при своей последующей работе в заполнявшихся им анкетах он сначала скромно указывал: «образование незаконченное высшее». Потом, в связи с тем что другие работники Центрального аппарата и близко не имели столь глубокой и всесторонней теоретической подготовки, стал писать: «образование высшее». В качестве гражданской специальности по образованию в некоторых анкетах указывалось «преподаватель», в других – «переводчик по японскому языку».

После окончания учёбы первую свою должность тридцатилетний Сергей Никифорович Круглов получил сразу в

главном партийном учреждении Страны Советов, где его назначили ответственным организатором Отдела руководящих партийных органов (ОРПО) Центрального Комитета ВКП(б). Заместитель секретаря парткома Института Красной профессуры Бутков направил на имя заведующего ОРПО тов. Броварского краткую характеристику на своего бывшего партийного шефа, в которой, в частности, отмечалось, что Круглов С.Н., член ВКП(б) с 1928 года, был освобождён от обязанностей секретаря парткома «ввиду отзыва его в распоряжение ЦК ВКП(б)». Далее следовала обязательная приписка: «За время пребывания в парторганизации Института (Красной профессуры) партвзысканиям не подвергался» [27].

Отдел руководящих партийных органов ЦК ВКП(б), в котором Круглов С.Н. проработал чуть больше года, был создан в 1934 году по решению XVII съезда партии и просуществовал в течение пяти лет, до 1939 года. Возглавлял этот Отдел секретарь ЦК Маленков Г.М. В функции ОРПО входили учёт, распределение и организационно-инструкторская работа со специалистами и руководящими партийными кадрами. Инструктора отдела подготавливали необходимые материалы для утверждения на Секретариате, Оргбюро и Политбюро. Отдел отвечал как за проходившую в 1935 году очередную чистку партийных рядов, так и за распределение выдвинутых на руководящую работу коммунистов по партийным, советским, профсоюзным и хозяйственным ор-

ганизациям. Работники отдела проводили инструктажи партийных руководителей в стенах Центрального Комитета или с выездом на места, контролировали отчёты партийных организаций об их повседневной деятельности. Столь ответственная и масштабная работа требовала, естественно, определенной подготовки, в связи с чем в феврале 1938 года на основании решения ЦК партии молодого и перспективного работника Круглова С.Н. зачислили слушателем Высшей школы Парторганизаторов при ЦК ВКП(б). Работа с кадром определила на достаточно длительную перспективу дальнейшую судьбу Сергея Никифоровича.

К великой радости, цековский работник наконец-то получил государственную жилплощадь, на которую семья Кругловых вселилась вчетвером, поскольку 5 июля 1937 года у Таисии и Сергея родился сын Валерий. Сначала жили в коммунальной квартире на Большой Пироговской улице, а потом поселились в отдельной маленькой квартирке на Ленинградском шоссе. К сожалению, вторые роды серьёзно отразились на самочувствии мамы, и по состоянию здоровья через некоторое время Таисия Дмитриевна вынуждена была на длительное время оставить работу.

Находясь в одной из своих служебных командировок в городе Тбилиси, Сергей Никифорович 28 июня 1938 года послал домой несколько тёплых строк:

«Моя дорогая Тая!

Всё ждал от тебя письмо и сам не посылал, думал, что ты живёшь уже на даче. Звонок Головина (сослуживец Сергея Никифоровича по Орготделу ЦК и близкий товарищ. — Ю.Б.) привёл меня в большое беспокойство. По телефону хорошо не понял, что с вами случилось. Ясно одно, что ты и дети больны, но чем, ничего не узнал. Волнуюсь страшно. Как назло, только я уеду, так в семье что-нибудь да случится. Милая Тая, поправляйся, ради бога. Я тебя очень и очень люблю. Живя вот здесь несколько дней, я понял, какое огромное место в моей жизни занимает семья, ты, ребяташки. Ещё когда работаю, забываюсь, а как придёшь к себе в комнату, только о вас и думаешь.

Дорогой Таёк, сегодня буду разговаривать с Москвой, чтобы мне разрешили немедленно выехать. Если разрешат, выеду 21 или 22 (июня 1938 года), тогда сообщу телеграммой. А если всё-таки заставят отправиться в Абхазию, тогда приеду к 1 июля. Я уже не могу спокойно работать, всё валится из рук. Словом, всеми мыслями я с вами в Москве.

Милые вы мои, поправляйтесь скорее. Скоро, скоро приеду к вам.

Любящий Сергей».

Как было отмечено, работа Сергея Никифоровича в аппарате Центрального Комитета продолжалась относительно недолго. В ноябре 1938 года по рекомендации заведующего ОРПО и секретаря ЦК ВКП(б) Маленкова Г.М. он

был направлен «для усиления» в Наркомат внутренних дел (НКВД).

4. В центральном аппарате НКВД СССР

Ко времени прихода Круглова С.Н. в Наркомат внутренних дел крупномасштабные операции по проведению массовых репрессий были завершены. Чем была обусловлена эта «великая чистка»? Немного углубимся в историю данного вопроса [3].

Ещё на XVII съезде партии, в январе 1934 года, Сталин И.В., поставив в своём докладе задачи по развитию экономической и политической мощи страны, обеспечивавшей её национальную безопасность, подверг резкой критике некую «безликую и нефракционную» опасность. «Бюрократизм и канцелярщина аппаратов управления, – говорил он, – болтовня о «руководстве вообще» вместо живого и конкретного дела, отсутствие личной ответственности, обезличка в работе, уравниловка в системе зарплаты, отсутствие систематической проверки исполнения, боязнь самокритики – вот где источники наших трудностей». При этом докладчик пояснил, *кто* на данном этапе стал виновником бед: «это люди с известными заслугами в прошлом», теперь «ставшие вельможами», которые считают, что «партийные и советские законы писаны не для них». Как быть с такими работниками? «Их надо без колебаний снимать с руководящих постов,

невзирая на их заслуги в прошлом».

Действительно, в период Октябрьской революции 1917 года и гражданской войны 1919–1923 годов в Россию было заслано огромное количество противников советской власти, по большей части реэмигрантов еврейской национальности, которые заполнили многие руководящие посты в партийном, советском и профсоюзном аппаратах. Это именно они саботировали проведение преобразований в стране, устраивали заговоры, вредили во всём, в чём только могли. Определённую часть «врагов народа» выявляли, арестовывали, проводили над ними показательные суды, сурово наказывали. Но выкорчевать всех бюрократов было весьма трудно. Сталин И.В. понимал, что решить этот вопрос можно только с помощью всего народа, дав ему для этого законные полномочия. Вооружить массы широкими правами позволяла Конституция, разработкой которой и занялся вождь страны вместе со своими соратниками.

В январе 1935 года для VII съезда Советов СССР было подготовлено постановление, в котором говорилось об изменении «порядка выборов органов власти Союза ССР и Союзных республик». В отличие от существовавших тогда «революционных правил», этим постановлением, по инициативе Сталина И.В., предлагалось введение *прямых* выборов, *равных* для городского и сельского населения (что уравнивало в правах рабочих и крестьян) и, самое главное, *тайных*. Тем самым осуществлялся отказ от ранее принятой слож-

ной системы выборов, предоставлявшей преимущества исключительно пролетариату. Кроме того, восстанавливались в правах все «лишенцы», то есть граждане, ранее лишённые по суду избирательных прав. Далее устанавливалось, что выборы должны быть *альтернативными*, когда выдвигается несколько кандидатов, а побеждает лишь один, получивший большее число голосов. Причём выдвигать кандидатов в депутаты могли не только предприятия и учреждения, но и *любые общественные организации*.

Таким образом, за счёт изменения избирательной системы Сталин И.В. надеялся существенно почистить руководящие органы. Предполагалось, что народ сам выдвинет достойных представителей в систему государственной власти, оттеснив тем самым *демократическим и бескровным путём* закостеневшую бюрократию из прежних «революционеров». В своём выступлении 4 мая 1935 года на приёме выпускников военных академий Сталин И.В. сказал, что настало время опираться не на тех, кто обладал в прошлом «революционными заслугами», а на профессионалов, на людей с высшим образованием. Если раньше говорили: «Техника решает всё», то новый лозунг должен быть: «*Кадры решают всё*».

При этом проект сталинской конституции предусматривал следующую структуру государственной власти. *Законодательным органом* становился Верховный Совет СССР, состоявший из двух палат – Совета Союза и Совета Национальностей. Законодательная власть образовывала Совет народ-

ного хозяйства (СНК), который являлся исключительно *исполнительным органом* власти, и назначала *судебную власть* – Верховный Суд СССР. При этом народные суды первой инстанции избирались населением. Соответственно Верховные Советы союзных и автономных республик, а также краевые и областные советы аналогично формировали свои исполнительные органы власти и назначали суды. *Партийной власти* при этом отводилась роль лишь пропаганды и агитации, воспитания и расстановки кадров (без вмешательства в хозяйственные дела).

Однако ни «широкое партийное руководство» (секретари компартий Союзных и Автономных республик, крайкомов, обкомов, горкомов и райкомов партии), ни даже аппарат Центрального Комитета партии *не приняли* сталинской новации. Партократы почувствовали слишком опасную для них альтернативность и другие особенности новой системы выборов, которые напрямую угрожали их привилегированному положению и могли лишить реальной власти. В связи с этим партийные бонзы отказались принять существо политической реформы, но выразили своё отношение к этому весьма своеобразно: демонстративно замалчивали насущную проблему, требовавшую обязательного всенародного обсуждения и понимания. Так, на пленуме ЦК ВКП(б), открывшемся 1 июня 1936 года, где все участники получили для ознакомления проект новой Конституции СССР, никто из присутствовавших партократов не выступил даже с

обычными словами одобрения или критики, хотя в итоге все молча проголосовали за принятие этого важнейшего документа. После официальной публикации (12 июня 1936 года) проекта Конституции в печати, все газеты открыли рубрики со всенародным обсуждением этого вопроса. Здесь стали помещать отклики рабочих, крестьян, инженеров, врачей, учителей, красноармейцев. Не было только, за небольшим исключением, статей от партийного руководства. В это же время проявились опасные тенденции к воссозданию троцкистских подпольных организаций. Органами государственной безопасности было вскрыто «Кремлёвское дело», нацеленное на физическое устранение Сталина и его сторонников, выявлены и арестованы группы троцкистов, которым были предъявлены обвинения в подготовке террористических актов. В августе 1936 года в течение пяти дней прошёл повторный показательный судебный процесс над Зиновьевым Г.Е., Каменевым Л.Б. и другими основными троцкистами. Обвиняемые полностью подтвердили предъявлявшиеся им обвинения в террористической деятельности и получили суровое наказание, которое должно было послужить острасткой для других противников сталинского курса.

В это время произошло серьёзное осложнение международной обстановки в связи с событиями в Испании, в которых Советскому Союзу пришлось негласно участвовать, помогая республиканцам, боровшимся с фашизмом. Однако в сложившихся условиях испортились отношения СССР

с Англией, Францией, Румынией и Чехословакией, что ставило под сомнение возможность антигерманского объединения этих стран.

В условиях ухудшения международных и внутренних дел Сталин И.В. надеялся всё-таки продвинуть новую Конституцию в полном объёме. Но для этого надо было окончательно подавить даже скрытое сопротивление ортодоксальных коммунистов, которых в партии и за её пределами имелось ещё предостаточно. В связи с этим стали тихо, без малейшей огласки проводиться аресты ярых троцкистов, выявленных НКВД. Одновременно начались незаметные постороннему взгляду кадровые перестановки, направленные на укрепление позиций группы Сталина. Одним из таких назначений, произошедших 26 сентября 1936 года, явилось выдвижение Ежова Н.И. на должность наркома внутренних дел СССР. Всю свою работу новый нарком должен был координировать с заведующим Политико-административным отделом ЦК партии Пятницким И.А., который подбирал кадры для НКВД, контролировал и согласовывал действия этого ведомства с Наркоматом юстиции, Прокуратурой СССР и различными судебными инстанциями.

25 ноября 1936 года в Москве открылся VIII Чрезвычайный съезд Советов СССР, на котором с докладом о новой Конституции СССР выступил Сталин И.В. Помимо главных положений Основного закона страны, ставшей «государством рабочих и крестьян», докладчик остановился на по-

правках, которые были внесены трудящимися во время обсуждения проекта. Однако в процессе прений выступавшие больше говорили о необходимости борьбы с различного рода врагами, чем оценивали статьи новой Конституции. Это отражало настроение подавляющего большинства партийного, советского и профсоюзного актива, которым предложенная система выборов рассматривалась с точки зрения права и обязанности «уничтожить всякого врага – троцкиста, зиновьевца, националиста, меньшевика» и напрямую связывалась с необходимостью проведения репрессий. Причём к врагам они относили кого угодно, только не себя. И хотя 5 декабря 1936 года Конституция СССР была единогласно утверждена, главная, задуманная Сталиным цель смены на её базе бюрократического руководства за счёт альтернативных выборов оставалась неопределённой и крайне сложной задачей.

Несмотря на стремление сталинской группы мирными средствами решить кадровый вопрос, репрессии, весьма, правда, ограниченные, выборочные, по ранее раскрученным делам, всё-таки приходилось проводить. В феврале 1937 года был арестован ряд руководящих работников НКВД, включая бывшего наркома Ягоду. При этом по «кремлёвскому заговору» дали показания бывший комендант Московского Кремля Петерсон, назвавший в качестве соучастников Енукидзе, Корка, Медведева и Фельдмана, и Ягода, сообщивший о своих преступных связях с Рыковым, Бухариным,

Томским, Углановым. Цель несостоявшихся путчистов заключалась в аресте Сталина и его сторонников и в создании нового правительства из состава заговорщиков.

Если силы троцкистов в партийных и советских органах были в определённой степени ликвидированы, то в высшем руководстве армии находилось значительное количество военачальников, которые действовали в Гражданскую войну под командованием председателя Реввоенсовета республики и наркома по военным и морским делам Троцкого Л.Д. и являлись его ставленниками и сторонниками. В мае 1937 года прошли аресты 82 военачальников, в числе которых были Тухачевский, Якир, Уборевич, Корк, Эдемман и другие. По приговору Верховного суда СССР «за нарушение воинского долга (присяги), измену Родине», выразившуюся в передаче немецкому Генеральному штабу важных сведений, восемь человек были расстреляны.

В это же время в административном порядке были сняты со своих постов многие партийные и советские руководители, которым было выражено «политическое недоверие». Внимательный анализ показывает, что всех этих деятелей объединяли такие общие «качества», как явная некомпетентность в руководстве, отсутствие высшего, а часто и среднего образования, слабость практического опыта работы по профессии. В революционную пору все они крайне быстро и слишком надолго заняли весьма высокие посты, но из-за недостатка знаний (которые не стремились пополнять) пре-

вратились в неумелых «начальников», слишком много мнивших о себе, но не приносивших реальной пользы порученному им делу.

23 июня 1937 года открылся очередной пленум ЦК ВКП(б), с началом которого собравшиеся единогласно поддержали ещё два решения Политбюро о «выражении политического недоверия» и снятии со своих постов ряда ответственных руководителей, а также об исключении из состава членов и кандидатов в члены ЦК с лишением их партийных билетов 19 человек «за измену партии и родине, активную контрреволюционную деятельность».

Естественно, что последовавший затем доклад о новом избирательном законе, который, «по предложению товарища Сталина», предоставлял *любой общественной организации трудящихся* право выставлять кандидатов в Верховный Совет СССР, совершенно не мог устроить партийную номенклатуру. «Старые революционеры» отчётливо почувствовали, что новыми *альтернативными, состязательными* выборами «на места устаревшего хлама, обюрократившейся или очиновничейся группы работников», каковыми они теперь и являлись, могут быть выдвинуты такие кадры, «которые в соответствии с основными требованиями теперешнего момента *твёрдо, последовательно, разумно, со знанием дела*» будут проводить сталинскую политику.

Предпринятые жёсткие меры по значительной очистке «авгиевых конюшен» советской бюрократии сильно напуга-

ли оставшихся на высоких постах партократов возможностью их последующего свержения. Кстати, и Сталин И.В., и Троцкий Л.Д. в своих выступлениях называли приблизительно одинаковую цифру имевшихся в партии различных «уклонистов» — порядка 30 тысяч человек. Вот они-то и спровоцировали *массовые репрессии*, чтобы в возникшей неразберихе постараться сохранить своё личное руководящее кресло.

Историк Ю.Н. Жуков, много лет изучавший сталинские архивы, так описал скрытые от нас события того времени [37]. Перед окончанием упомянутого выше июньского пленума ЦК секретарь Западно-Сибирского крайкома Эйхе Р.И. обратился в Политбюро с Запиской, в которой сообщал, что не разоблачённая до сих пор некая повстанческая контрреволюционная организация угрожает политической стабильности в крае, что особенно опасно в период подготовки и проведения избирательной кампании. В целях быстрой и эффективной борьбы с очагами врагов партийный секретарь просил Политбюро санкционировать создание «тройки», наделённой правом выносить внесудебные приговоры, в том числе приговаривать и к высшей мере наказания.

28 июня 1937 года такое решение Политбюро (протокол 51, пункт 66) было принято, хотя оно противоречило всей предыдущей деятельности Сталина И.В., а потому не могло быть принято по его инициативе.

Кто же накануне самых демократических выборов,

провозглашённых сталинской Конституцией, инициировал идею о создании троек с чрезвычайными полномочиями, ставших началом проведения в стране *массовых репрессий 1937–1938 годов*? Теперь стало известно, что перед июньским пленумом ЦК состоялось неформальное собрание, названное «чашкой чая», которое устроил заведующий отделом ЦК, курировавший НКВД, Пятницкий (Таршис) И.А. На этот негласный совет Иосиф Аронович собрал многих секретарей крайкомов и обкомов, старых большевиков и своих соратников по Коминтерну. Речь в кругу доверенных лиц шла о недовольстве проводившейся Сталиным политикой и о том, что имеются настроения устранить его от руководства партией. Именно тогда была достигнута принципиальная договорённость о единой позиции противодействия сталинскому курсу. Очевидно, именно Пятницкому-Таршису, этому ортодоксу мировой революции, длительное время руководившему Коминтерном, принадлежала идея повязать Сталина большой кровью и тем самым, под угрозой полной дискредитации, заставить его выполнять волю «старых революционеров». Однако можно предполагать, что, поскольку деятельность Пятницкого ещё с дореволюционных времён была связана с британскими спецслужбами, то идея кардинальной дестабилизации обстановки в стремительно развивавшейся стране была подсказана именно с туманного Альбиона. Почему бы в преддверии уже намечавшейся войны не устроить полный беспредел в стране Советов? А потом, уме-

ло манипулируя «общественным мнением», всю ответственность за кровавое побоище не свалить на Сталина? Очень даже в английском стиле.

1 и 2 июля 1937 года в Кремлёвском кабинете вождя побывали девять представителей периферийного руководства [39], которые, очевидно, поддержали упомянутую Записку Эйхе Р.И. и потребовали для себя таких же широких полномочий для проведения «чистки» в своих регионах. Обстановка осложнилась настолько, что альтернативой могло быть немедленное лишение всей сталинской группы руководящих постов путём простого поднятия рук (голосования) на ещё не закрытом партийном пленуме ЦК. В связи со столь критическими обстоятельствами Политбюро *вынуждено было* предоставить чрезвычайные права всем первым секретарям ЦК нацкомпартий, крайкомов и обкомов. Теперь решением ЦК ВКП(б) предлагалось партийным руководителям совместно со своими представителями НКВД взять на учёт всех кулаков и уголовников, «которые являются главными зачинщиками всякого рода антисоветских и диверсионных преступлений как в колхозах и совхозах, так и на транспорте и в некоторых отраслях промышленности», с тем, чтобы «наиболее враждебные из них были немедленно арестованы и расстреляны в порядке административного проведения их дел через тройки, а остальные, менее активные, но всё же враждебные элементы, были переписаны и высланы в районы по указанию НКВД».

В Москву из регионов начали поступать сведения о составе «троек» и величине запрашиваемых «лимитов» на количество лиц, подлежащих репрессиям. *Наши современники должны знать*, что наиболее кровожадным среди партократов оказался **Эйхе Р.И.**, заявивший о необходимости расстрелять **10800** жителей Западно-Сибирского края. Следующим стал **Хрущёв Н.С.**, сумевший разыскать в Московской области 41305 врагов народа, из которых ровно **8500** наиболее активных следовало поставить к стенке. Третьим по степени жестокости показал себя хозяин Азово-Черноморского края **Евдокимов Е.Г.**, с большой точностью определивший, что расстрелять надо **6644** врагов, а выслать ещё 6962 человека. Из Белоруссии **Шарангович В.Ф.** запросил «лимит» на 12800 «зачинщиков преступлений», из которых расстрелять следовало **3000**. Первый секретарь Свердловского обкома **Столяр А.Я.** наметил 12000 жертв, из них **5000** – к расстрелу. Следующие партийные руководители не вышли из «лимита» 10 тысяч, но превысили 5 тысяч человек (в скобках указано число предназначенных *к расстрелу*): **Рындин К.В.**, Челябинская область – 7953 (**2552**); **Мирзоян Л.И.**, Казахская ССР – 6749 (**2346**); **Варейкис И.М.**, Дальневосточный край – 6698 (**3017**); **Каганович Ю.М.**, Горьковская область – 6580 (**2295**); **Сергеев К.М.**, Орджоникидзевский край – 6133 (**2461**); **Постышев П.П.**, Куйбышевская область – 6140 (**1881**); **Икрамов А.И.**, Узбекская ССР – 5441 (**1489**). Ещё 11 первых секретарей весьма скромно опреде-

лили свои запросы на репрессии, а остальные (35 из 78 региональных парторганизаций) вообще не сообщили никаких сведений, решив, видимо, не участвовать активно в намечавшейся «чистке».

На основании именно этих данных в ведомстве Ежова Н.И. составили общую таблицу, в которой было прописано, какой для каждого региона устанавливался *лимит* репрессий по первой (*расстрел*) и второй (высылка) категориям. В целом, согласно этой таблице, в соответствии с запросами периферийного руководства, число будущих жертв должно было составить порядка *четверти миллиона человек*.

Понимая, что больших репрессий избежать не удастся, Сталин И.В. решил, очевидно, под их видом устранить из важнейших отраслей народного хозяйства потенциально опасных лиц, способных действительно нанести ущерб безопасности страны. В соответствии с приказом наркома внутренних дел от 25 июля 1937 года были выявлены и арестованы германские подданные, работавшие на военных заводах, железнодорожном транспорте и других объектах, имевших оборонное значение. Затем таким же путём была разгромлена польская разведка и Польская организация войсковая, действовавшие в СССР. А так называемые «харбинцы» (бывшие служащие Китайско-Восточной железной дороги и реэмигранты из Маньчжоу-Го) были удалены из НКВД и Красной армии, из железнодорожного, водного и воздушного транспорта, а также из промышленных предпри-

ятий. Решением вопросов по всем этим «контингентам» занимались только работники НКВД.

А вот тройки, состоявшие из партийного секретаря, руководителя НКВД и прокурора, решали судьбу (по первой или второй категории) самых массовых «антисоветских элементов», к которым были отнесены «бывшие кулаки, церковники, сектанты, бывшие активные участники вооружённых выступлений, кадры антисоветских политических партий», а также уголовные преступники. При этом все «наиболее враждебные» подлежали немедленному аресту и по рассмотрению дел на тройках – расстрелу. «Менее активных» по определению тройки следовало заключать в лагерь на срок от 8 до 10 лет. Всего планировалось репрессировать 258950 человек, из них «осудить по первой категории» 72950 человек.

Массовые репрессии начались с лета 1937 года, когда по стандартным обвинениям в контрреволюционной деятельности арестовывались в сельской местности и в провинциальных городах как отдельные граждане, так и группы в составе от 5 до 20 человек. В основном они представляли собой откровенных и малограмотных болтунов, во всю ругавших советскую власть. Особые тройки, вынося свои внесудебные приговоры, карали беспощадно, особенно организаторов групп, бывших кулаков, служителей церкви, а также лиц, уличённых, кроме разговоров, ещё в каких-либо «вредительских действиях». Некоторые работники НКВД, полу-

чив неограниченную власть, безмерно усердствовали в поисках и разоблачении «врагов народа», безнаказанно издевались над арестованными.

В условиях появившейся напряжённости в стране, причём на фоне сложных международных отношений, почувствовавшие свою силу партократы начали оказывать направленное давление на группу Сталина. Незадолго до выборов в Верховный Совет СССР, назначенных на 12 декабря 1937 года, у значительной массы крестьян вновь отобрали только что возвращённые им избирательные права. Декларированное ранее равноправие между ВКП(б) и общественными организациями было отменено. Отныне предстоявшие выборы, включая всю работу по выдвижению кандидатов в депутаты, ставились под жёсткий партийный контроль. Альтернативность выборов оказалась под сомнением. Чтобы не упустить при выборах широкие массы, вводилось принципиально новое понятие – блок коммунистов и беспартийных, который теперь должен был «сговариваться» об общем кандидате. Причём беспартийных в органы власти должно было допускаться, по настоянию партократов, не более 20 процентов.

В результате состоявшихся 12 декабря выборов, в Законодательный орган страны попали преимущественно представители партийной и исполнительной властей, которые (ветви власти) сталинские реформаторы как раз и старались разделить. Депутатами Верховного Совета СССР стали многие

первые секретари ЦК нацкомпартий, крайкомов и обкомов, партийные деятели всех рангов, председатели исполкомов, наркомы и их заместители, генеральный прокурор, директора заводов, хозяйственные руководители, военачальники, работники органов внутренних дел, учёные, писатели, учителя, врачи, председатели колхозов, передовые рабочие и колхозники. То есть при формировании новой государственной структуры восторжествовал прежний принцип «единства» законодательной, исполнительной и партийной ветвей власти, когда одни и те же люди должны были инициировать, а затем принимать (угодные им) законы, а потом успешно их выполнять (себе на пользу).

Потерпев неудачу в решении кадрового вопроса за счёт преобразования Конституции и избирательного закона, Сталину И.В. оставалось только продолжать чистить «авгиевы конюшни» (включая часть только что появившегося депутатского корпуса) путём наказания тех, кто излишне усердствовал в период проведения массовых репрессий. Всё-таки в результате осуществления «великой чистки», принёсшей множество ненужных жертв, Сталину И.В. удалось избавиться от ряда «заговорщиков», способных посягнуть на Советскую власть и свергнуть законное правительство вместе с существовавшим тогда общественно-политическим строем. В целом в стране была создана обстановка, при которой сталинское руководство могло уверенно проводить намечавшиеся им мероприятия, не встречая сопротивления со стороны

«саботажников» и не опасаясь утечки за рубеж важной информации.

17 ноября 1938 года было принято секретное постановление Совета Народных Комиссаров (СНК) СССР и Центрального Комитета (ЦК) ВКП(б) «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия». В нём сначала положительно оценивалась работа Наркомата внутренних дел под руководством генерального комиссара госбезопасности Ежова Н.И. по «очистке СССР от многочисленных шпионских, террористических, диверсионных и вредительских кадров», а затем перечислялись «крупнейшие недостатки и извращения в работе: массовые необоснованные аресты, упрощенное ведение следствия и суда, грубое нарушение процессуальных норм» и т. д. Вина за все репрессии возлагалась на «врагов народа и шпионов иностранных разведок, пробравшихся в органы НКВД». Постановление запрещало проведение новых массовых операций по арестам и высылкам, ликвидировало судебные тройки и указывало на необходимость «обеспечения за обвиняемым предоставленных ему по закону процессуальных прав» [40].

На новом этапе коммунистического строительства Сталину потребовались иные люди на ключевых постах. От прежних кадров они должны были отличаться тем, что умели организовывать и налаживать государственную, общественную и хозяйственную работу с учётом её «социалистических особенностей». И выдвижение таких кадров началось.

25 ноября 1938 года наркомом внутренних дел СССР был назначен комиссар госбезопасности I ранга Берия Л.П. Что бы сегодня ни говорили об этом «верном ученике и ближайшем соратнике И.В. Сталина», как бы ни поминали «бериевщину», но ради объективности следует отдать должное Лаврентию Павловичу за его «большие организаторские способности, смелую инициативу и умение вести масштабную работу» [53]. Новый нарком стал стремительно структурно преобразовывать и совершенствовать вверенное ему ведомство. Одним из ключевых вопросов являлся кадровый. Необходимо было освободиться от работников органов внутренних дел, слишком усердствовавших в период проведения массовых репрессий, безраздельно упивавшихся собственной властью. Следовало также освободить из тюрем тех, кто незаслуженно пострадал. Для выполнения такой задачи предназначался аппарат «особоуполномоченного НКВД», в функциональные обязанности которого входило разбирательство с преступлениями, совершавшимися работниками органов внутренних дел. На данном этапе этому контрольному органу поручалось «расследование фактов участия сотрудников в массовых репрессиях» и пересмотр следственных дел на арестованных.

Для выполнения этой непростой работы в ноябре 1938 года в Наркомат внутренних дел как раз и был направлен Круглов С.Н., который мог достаточно объективно провести рассмотрение обстоятельств дела, поскольку к проводив-

шимся репрессиям не имел прямого отношения. Как в те годы случалось часто, официально постановление Политбюро ЦК ВКП(б) о его командировании в распоряжение НКВД СССР «для ответственной работы в центральном аппарате» состоялось лишь 20 декабря 1938 года. В тот же день был отдан приказ наркома внутренних дел о назначении Круглова С.Н. (пока что не имевшего воинского или специального звания) особоуполномоченным НКВД СССР. До этого в течение двух недель занимавший данную должность лейтенант госбезопасности Балябин Г.С., стал его заместителем. 28 декабря 1938 года Круглову С.Н. присвоили спецзвание «майор госбезопасности», что по статусу соответствовало армейскому комбригу (командиру бригады).

Начиная с осени 1938 года в органах внутренних дел началась планомерная «чистка» оперативно-чекистских кадров, которая декларировала своей задачей «восстановление социалистической законности» после правового беспредела периода массовых репрессий. Эту работу никак нельзя считать «политическими репрессиями против честных работников», поскольку по своей сути она представляла в какой-то мере кадровую революцию в органах госбезопасности, направленную на радикальное обновление их персонального состава. Всего за этот период, включая 1939 год, из органов НКВД было уволено 7372 сотрудника, из которых арестам подверглись 937 «ежовцев», наиболее отличившихся (в отрицательную сторону) исполнителей массового террора. В

то же время по инициативе особоуполномоченного Круглова С.Н. из тюрем было освобождено более восьми тысяч чекистов, незаконно отправленных за решётку по оговору или предательству.

С учётом ранее проводившихся мероприятий произошло значительное омоложение руководящего состава наркомата, большую часть которого теперь составляли работники в возрасте от тридцати до тридцати пяти лет. При этом в новой среде стало заметно снижение стажа работы в органах внутренних дел, поскольку в конце 1938 – начале 1939 годов по путёвкам ЦК ВКП(б) был произведён организованный «партийный набор» на руководящую работу в системе НКВД из представителей партийных, советских и народнохозяйственных организаций. Общее число руководящих работников (к которым относились нарком и его заместители, начальники управлений и отделов центрального аппарата, наркомы внутренних дел союзных и автономных республик, начальники управлений НКВД краев и областей, входивших в состав РСФСР, Украинской, Белорусской и Казахской ССР) постепенно росло как в результате образования новых административно – территориальных единиц, так и за счёт создания ранее отсутствовавших управлений и отделов в структуре центрального аппарата наркомата. Значительно изменился национальный состав руководящих кадров. Если до начала репрессий русские составляли лишь треть, а евреи почти половину от общего числа начальников, то по состоянию на

1939 год число представителей титульной нации (русских) увеличилось до двух третей и продолжало расти, а количество евреев сократилось до четырёх процентов и имело тенденцию к дальнейшему уменьшению. Кроме того, из состава органов убрали представителей так называемых «иностранных национальностей» – поляков, латышей, немцев. Если до 1938 года среди руководящих работников был очень высок процент людей с начальным образованием, то теперь образовательный уровень начальствующего корпуса несколько повысился, хотя доля руководителей с высшим образованием была не слишком велика, всего 38 %. Наряду с этим пятая часть работников всё равно оставалась с начальным образованием (то есть умели читать и писать). В этом ведомстве опыт работы, верность и преданность часто ценились больше, чем интеллектуальный уровень.

Вопреки бытующему мнению о том, что именно в период массовых репрессий Сталин истребил всех старых чекистов, статистические данные говорят о том, что в 1937–1938 годах в руководящем звене НКВД основной костяк (более 70 процентов) составляли «истинные чекисты» (дзержинцы), поступившие на службу с начала создания органов госбезопасности и до середины двадцатых годов. Их руками как раз и проводились репрессии. Вместе с тем Сталина беспокоила высокая «засоренность» старых чекистских кадров выходцами из «чуждых» классов (помещиков, торговцев, предпринимателей, служителей культа), участниками небольшеви-

ских партий и движений (эсерами, меньшевиками, анархистами, бундовцами) и представителями «нетитульных» национальностей. В связи с этим, под маркой борьбы с заговором право-троцкистского блока, в период ежовского правления была проведена «чистка» главным образом сторонников Ягоды. Оставшиеся «неблагонадежные» руководители были уволены либо арестованы с началом бериевского правления, в конце 1938 и начале 1939 годов [9].

После практического завершения работы по привлечению к уголовной ответственности, наказанию в партийно-административном порядке и увольнению ряда печально прославившихся руководителей правоохранительных органов решением Политбюро ЦК ВКП(б) от 27 февраля 1939 года Круглову С.Н. было поручено возглавить работу с кадрами в Наркомате внутренних дел. В соответствии с принятым на следующий день постановлением СНК СССР и объявлявшим это решение приказом № 373 от 28 февраля 1939 года майор госбезопасности Круглов С.Н. получил назначение на должность заместителя наркома внутренних дел СССР по кадрам и начальника Отдела кадров НКВД СССР. Ведавшего до этого кадрами полковника Давыдова Н.К. направили начальником Центральной школы НКВД СССР.

Теперь расстановка руководства НКВД СССР выглядела следующим образом. Наркомом внутренних дел являлся комиссар госбезопасности I ранга Берия Л.П. Обязанности его первого заместителя и начальника Главного управления го-

сударственной безопасности (ГУГБ) исполнял комиссар госбезопасности III ранга Меркулов В.Н. Заместителем наркома по войскам был комбриг Масленников И.И. Должности заместителя наркома и начальника Главного управления лагерей (ГУЛАГ) совмещал комдив Чернышов В.В. Заместителем наркома по кадрам, как уже отмечалось, стал майор госбезопасности Круглов С.Н. [4].

По своему составу Наркомат внутренних дел того времени имел следующую структуру. В него входили одиннадцать главных управлений: Главное управление государственной безопасности (ГУГБ), Главное экономическое управление (ГЭУ), Главное транспортное управление (ГТУ), Главное управление пограничных и внутренних войск (ГУПВВ), Главное управление рабоче-крестьянской милиции (ГУРКМ), Главное управление лагерей (ГУЛАГ), Главное управление шоссейных дорог (ГУШОСДОР), Главное управление пожарной охраны (ГУПО), Главное тюремное управление (ГТУ), Главное архивное управление (ГАУ) и Главное управление строительства на Дальнем Севере (ГУСДС) или Дальстрой. Далее структура наркомата включала Административно-хозяйственное управление (АХУ) и отделы: 1 спецотдел (учётно-регистрационный), 2 спецотдел (опертехники), 3 спецотдел (обыски, аресты, наружное наблюдение), Центральный отдел актов гражданского состояния (ЦОАГС), Центральный финансово-плановый отдел (ЦФПО), Отдел кадров (ОК), Переселенческий отдел, а

также Особоуполномоченный НКВД СССР со своим аппаратом, Особое конструкторское бюро (ОКБ), Бюро по приёму и рассмотрению жалоб, Инспекция по котлонадзору, Секретариат НКВД СССР. К системе НКВД относились также Центральный совет спортивного общества «Динамо» и Центральный клуб сотрудников НКВД СССР [4].

Эта структура, которая должна была постоянно укомплектовываться квалифицированными и преданными делу партии кадрами, не оставалась неизменной, а периодически видоизменялась в соответствии с указаниями Сталина И.В. Так, только в 1939 году в её составе произошёл ряд существенных преобразований. В преддверии приближавшейся войны наиболее значительные изменения коснулись Главного управления пограничных и внутренних войск, которое было разделено на шесть главных управлений: Главное управление погранвойск (ГУПВ), Главное управление войск НКВД СССР по охране железнодорожных сооружений, Главное управление войск НКВД СССР по охране особо важных предприятий промышленности, Главное управление конвойных войск НКВД СССР, Главное управление военного снабжения (ГУВС) и Главное военно-строительное управление войск (ГВСУ) НКВД СССР. Затем были сформированы Мобилизационный отдел, Отдел железнодорожных и водных перевозок, Управление НКВД СССР по делам военнопленных и интернированных, а также произведён ещё ряд более мелких преобразований. В результате по состоя-

нию на 1 января 1940 года в центральном аппарате НКВД СССР по штату числилось 32642 человека [4].

Интересно, что, хотя о войне в то время ходили ещё только неясные слухи, приказом НКВД СССР от 19 сентября 1939 года Управлению по военнопленным и интернированным (работу которого вскоре будет курировать Круглов С.Н.) предписывалось загодя создать восемь лагерей, среди которых Осташковский разместили на одном из островов озера Селигер, Юхновский организовали на станции Барыбино, Путивльский определили в Софроньевском монастыре и т. д. Начальная ёмкость каждого лагеря планировалась порядка 5–7 тысяч человек с последующим расширением до 10 тысяч человек.

Помимо центрального аппарата, Отдел кадров НКВД СССР во главе со своим начальником Кругловым С.Н. занимался подбором и расстановкой, перемещением и увольнением руководящих работников в Наркоматах внутренних дел 15 Союзных республик, 20 Автономных республик, в Управлениях внутренних дел 6 краёв и более ста областей страны, в высшей и межкраевых школах НКВД, в дорожно-транспортных отделах НКВД железных дорог, в особых отделах НКВД округов, армий, флотов, управлений лагерей заключённых и в ряде других подразделений. Все высшие должности основных руководителей центрального аппарата и местных органов НКВД входили в так называемую «номенклатуру Народного комиссара внутренних дел СССР».

Работники, занимавшие должности начсостава в оперативнo-чекистских управлениях и отделах НКВД, утверждались на местах.

При существовавшем тогда порядке нарком внутренних дел СССР не имел права своей властью принять, назначить, переместить или уволить подчинённого ему руководителя, поскольку эти должности относились одновременно к номенклатуре Центрального Комитета партии и могли замещаться только с ведома этого партийного властелина. Исходя из тезиса «кадры решают всё», партийные вожди Страны Советов жёстко сохраняли за собой право расстановки и контроля деятельности руководителей, находившихся на ключевых постах. Считалось, что даже вопреки экономическим и общественным законам, природным условиям и другим неблагоприятным обстоятельствам, правильная расстановка кадров позволяла преданным коммунистам-руководителям, вооружённым самой передовой марксистско-ленинской теорией, успешно, по-большевистски, твёрдо и уверенно решать самые сложные задачи социалистического строительства. Таким образом, для назначения руководящего работника на номенклатурную должность, например, в Центральный аппарат, нарком внутренних дел должен был сначала направить в ЦК ВКП(б) подготовленное Отделом кадров секретное письмо с просьбой о разрешении на такое действие и обоснованием его целесообразности. Только после получения санкции от партийного органа принималось соот-

ветствующее постановление Совета Народных Комиссаров Союза ССР, и только тогда нарком подписывал приказ о назначении. (Что мы и видели выше на примере назначения Круглова С.Н. на должность заместителя наркома внутренних дел по кадрам.) Информация о назначении первых (официальных) лиц, например, наркомов, публиковалась в печати.

Аналогично вопрос с назначениями-перемещениями на региональные номенклатурные должности решался и в республиках, краях и областях, где требовалась санкция своего местного высшего партийного органа (ЦК республики, крайкома или обкома). После произведенного назначения следовало уведомить об этом Отдел кадров НКВД СССР.

Таким образом, переписка по кадровым вопросам была весьма обширна и требовала тщательного соблюдения партийно-административного бюрократического порядка. Работникам отдела кадров во все времена важно было угадать мнение партийного и наркоматовского руководства, его симпатии и антипатии к претендентам на выдвижение и даже к бывшим работникам органов внутренних дел, о чём мы наглядно убедимся при дальнейшем нашем повествовании. Интересно, что в том случае, когда назначенный («выдвинутый») на руководящую должность работник успешно справлялся с порученным ему делом, заслуга в том присваивалась партии, которая правильно и умело расставляла кадры. Если руководитель с поставленными перед ним задачами не

справлялся либо допускал уголовные или аморальные проступки, то всегда в этом виноватыми оказывались его непосредственные начальники и плохо работавший отдел кадров, а партия, ранее санкционировавшая назначение провинившегося, была вроде бы совсем и ни при чём.

Согласно инструкции НКВД, принимать на работу в систему органов внутренних дел допускалось лишь «вполне грамотных только членов и кандидатов в члены ВКП(б) и членов ВЛКСМ». При этом направляться «абитуриенты» должны были через соответствующие партийные органы. Кандидат в чекисты представлял написанную от руки (образец почерка) автобиографию, заполнял анкету специального назначения и листок по учёту кадров. Партийную и деловую характеристики с прежнего места работы органы НКВД запрашивали сами. Без полной спецпроверки анкетных и биографических данных зачислять «новичка» на должность и допускать к работе категорически запрещалось. Принимать работников на временную (даже техническую) работу для подмены ушедших в отпуск или заболевших не допускалось. Тем, кто зачислялся в кадры, присваивалось специальное звание, соответствовавшее его должности. Например, как мы видели выше, Круглов С.Н. сразу стал майором госбезопасности. Увольнение из кадров могло происходить «в запас» (если по возрасту работник мог ещё быть использован на работе в военное время), «вовсе со службы» (при невозможности дальнейшего использования работника по ком-

прометирующим материалам, приговору суда или Особого совещания, а также в связи с арестом и нахождением под следствием) и «в отставку» (по возрасту или состоянию здоровья). А в общем, как любили шутить весельчаки, приписывая это высказывание товарищу Сталину: у работников органов госбезопасности имелось только два пути – либо на выдвижение, либо в могилу.

Для более наглядного отображения картины о заполнении штатных единиц, приказом наркома внутренних дел от 2 сентября 1939 года Отделу кадров было предписано создать картотеку по учёту всего личного состава как организаций, так и войск НКВД, включая даже срочнослужащих рядового состава.

В целях получения информации о состоянии дисциплины в органах внутренних дел заместитель наркома по кадрам Круглов С.Н. направил во все подразделения и внутренние войска циркуляр НКВД СССР, в соответствии с которым полагалось к 5-му числу каждого месяца представлять сведения о преступлениях, проступках и нарушениях дисциплины, допущенных личным составом. О каждом чрезвычайном происшествии следовало немедленно докладывать специальным внеочередным донесением. Кроме того, за каждый месяц всем руководителям необходимо было иметь данные о самовольных отлучках, прогулах, опозданиях, самовольном оставлении службы подчинёнными.

Помимо основной служебной работы по подбору и укреп-

лению кадрового состава Наркомата внутренних дел, Круглов С.Н., как всегда, принимал активное участие в жизни своей партийной организации, выполнял отдельные поручения Московского комитета партии и Центрального Комитета ВКП(б). С учётом накопленного большого опыта руководящей партийной работы в марте 1939 года на XVIII съезде партии коммунист Круглов С.Н. был избран кандидатом в члены ЦК ВКП(б).

В соответствии со статусом заместителя наркома внутренних дел и партийного руководителя Круглову С.Н. была предоставлена находившаяся в ведении НКВД жилплощадь в ныне печально знаменитом «Доме на набережной», или, как его тогда называли, Доме правительства. Это была просторная трёхкомнатная квартира, выходившая окнами на Москву-реку.

5. В интересах страны

В соответствии с утвержденным в марте 1939 года XVIII съездом партии пятилетним планом развития народного хозяйства, выполнение которого началось в 1938 году, предусматривались развитие индустриальной мощи страны, укрепление колхозного строя, повышение материального и культурного уровня народа, усиление обороноспособности Советского Союза. Значительно увеличивался размер капитальных вложений. В качестве важнейшей задачи третьей пятилетки ставилось развитие оборонной промышленности, создание значительных государственных резервов по топливу, электроэнергии и другим отраслям производства. Намечалось строительство крупнейших предприятий в восточных районах страны – на Урале, в Поволжье, в Сибири, на Дальнем Востоке и в Средней Азии. Предусматривались расширение угольно-металлургической базы, создание нефтяного района между Волгой и Уралом, освоение новой зерновой базы в восточных и юго-восточных регионах страны, использование богатств в труднодоступных районах с суровым климатом [41].

В официальных советских средствах массовой информации постоянно говорилось о том, что все трудовые достижения в нашей стране принадлежали работавшим в тесном союзе рабочим и крестьянам при участии интеллигенции. Вме-

сте с тем всегда замалчивался вклад, который был внесён в дело подневольными тружениками Страны Советов – заключёнными, содержащимися в лагерях НКВД. Дело в том, что многие районы, имеющие полезные ископаемые, расположены на территории нашей огромной по своим пространствам страны в таких местах, куда нелегко добраться, а жить там, в климатических условиях, при которых, как говорят шутники, в году бывает двенадцать месяцев зима, остальное – лето, чрезвычайно трудно. Известно, например, что мантия Земли имеет два разлома, выходящих на поверхность. В этих местах несметные богатства, представляющие собой чуть ли не все элементы таблицы Менделеева, буквально валяются под ногами. Место одного разлома приходится на Южную Африку, а второго – на район Норильска. Но, если Африканский клондайк находится в жарком, но приемлемом для жизни регионе, то наша природная кладовая расположена за Полярным кругом, в условиях вечной мерзлоты. То же самое можно сказать о золоте Колымы, алмазах Якутии, нефти Сибири, угле Воркуты, апатитах Кольского полуострова и многих других величайших месторождениях.

Как-то в молодости я встал перед висевшей на стене картой Союза Советских Социалистических Республик и впервые задумался: как же нам могла достаться такая огромная территория суши, шестая часть Мира? Но когда сам побывал на Урале и Байкале, в Красноярске и Норильске, во Владивостоке и на Сахалине, то понял, что жить и плодотворно

работать в этих суровых краях могут только русские люди, обладающие огромной жизненной энергией, стремлением к подвижничеству, творческой смекалкой, бытовой неприхотливостью и крепким здоровьем. Вместе с тем предпринятые советским руководством в начале тридцатых годов прошлого столетия попытки освоить необжитые края при помощи вольнонаёмной рабочей силы не увенчались успехом. Первопроходцев, желавших добровольно, за весьма скромную зарплату (платить деньги простым труженикам у нас не любили тогда, не любят и сейчас) сражаться с дикой природой, нашлось немного. Это не позволяло быстро решить великие задачи социалистического строительства, реализации грандиозных планов промышленной индустриализации страны в кратчайшие сроки. Тогда-то и пришла мысль использовать для работы в отдалённых местностях труд заключённых. В Мировой истории ничего нового в этом не было. Рабы, являвшиеся в основном захваченными во время разбойничьих набегов военнопленными и депортированным населением, возводили в пустыне пирамиды, строили дворцы, прокладывали дороги, обрабатывали поля. Никто сейчас не видит в этом ничего особенного и не осуждает: тогда существовал рабовладельческий строй и использование принудительного труда являлось его основой. Да и в более поздние времена, например при освоении Америки, рабов захватывали, привозили на открытый Колумбом континент и силой заставляли трудиться на плантациях. В России ещё при Петре I среди

разновидностей принудительного труда было введено осуждение к каторжным работам. Александр III распространил обязанность трудиться в общественных интересах на всех арестантов. Советская власть также не отказалась от применения подневольного труда заключённых. Как показала история, иной возможности для форсированного, «догоняющего» капиталистические страны пути экономического развития у нашей родины в ту пору, наверное, просто не было.

В чём же состояла особенность советского периода? После Октябрьской революции был во всеуслышание провозглашён свободный труд как обязанность каждого гражданина общества. Но с некоторых пор к нему добавился принудительный труд заключённых, которые представляли собой «чуждые» элементы, политических противников, нарушителей хозяйственного законодательства и уголовников. Но всё это были граждане нашей страны. Россия всегда решала свои проблемы за счёт собственных людских ресурсов. Исключением здесь являлись лишь временно находившиеся у нас военнопленные. Так вот, признать тот факт, что, кроме свободного труда, мы в стране строившегося социализма вынуждены применять принудительный труд, было и стыдно и страшно. Правда, в документах, регламентирующих деятельность лагерей, прямо говорилось, что их задачей, помимо изоляции, являлось «приучение праздного и паразитического элемента к труду» [43].

Как это ни покажется странным, но, на мой взгляд, пре-

красно понимая сложившуюся обстановку, Сталин И.В. планировал когда-нибудь в будущем воздать должное безвестным труженикам-заключённым. Ведь недаром следственные дела на арестованных во время репрессий подшивались в папки, на которых типографским шрифтом в правом углу было набрано: «Хранить постоянно». А для несообразительных на этой же обложке дополнительно ставился ещё чернильный штамп: «Хранить вечно». По моим представлениям, Сталин И.В. не являлся кровожадным тираном, жаждавшим обязательной гибели своих жертв, как это сейчас часто стараются представить. Вождь народов был, как мне кажется, целеустремлённым полководцем, который повёл доверившиеся ему народы в лобовую атаку на крепость мирового империализма.

Приоритет использования труда заключённых для решения народнохозяйственных задач принадлежит, по-видимому, Берзину Э.П., латышскому стрелку, чекисту, фактически создателю ГУЛАГа. Началось это так. После революции в двадцатые годы в стране имелась острая нехватка бумаги. Газеты выходили на таких ветхих листках, что со временем они просто рассыпались. Попытки приобрести бумагу, особенно высокого качества, за границей наталкивались на организованное сопротивление «буржуазных» поставщиков. Стране, боровшейся с неграмотностью, нужны были книги и тетради. Кроме того, для нужд картографии требовались специальные первоклассные листы. Для реше-

ния этой неотложной проблемы советским правительством было решено построить крупный бумажный комбинат, для которого выбрали место на Северном Урале, у подножия Полюдова кряжа на берегу реки Вишеры. В плане организации производства – это место было удобно тем, что вокруг росли бесконечные еловые и пихтовые леса, наиболее пригодные для изготовления хорошей бумаги. Быстрая река легко обеспечивала производственные нужды необходимым количеством чистой воды. При этом судоходная Вишера, являющаяся притоком Камы, впадающей в Волгу, давала возможность дешёвым водным путём транспортировать готовую продукцию и завозить требуемые для изготовления бумаги хлорную известь, серу, каолин и другие материалы.

Вопрос состоял в другом: как в этот безлюдный край с лютой зимой и прохладным летом завезти большое количество рабочей силы для строительства, а потом и для обслуживания комбината? Попытки добровольно набрать сюда вольнонаёмных рабочих не давали удовлетворительного результата. Тогда отчаявшийся Берзин Э.П., которому было поручено возведение этого объекта, обратился к руководству страны за разрешением использовать на строительстве комбината заключённых из Соловецкого лагеря особого назначения (СЛОН), представлявших собой лишённые свободы «классово чуждые элементы». (Считается, что предложение о трудовом использовании заключённых первым сделал Френкель Н.А., но в эти годы он сам сидел в Соловецком

лагере, где лишь стал сотрудничать с администрацией, выдвинув свою идею повышения эффективности труда заключённых за счёт регулирования их питания путём введения «хлебной шкалы и шкалы приварка».) Такое разрешение было получено, и в порядке эксперимента в организованный на берегу Вишеры лагерь, представлявший собой обтянутую колючей проволокой зону с бараками, в 1927 году было конвоировано около трёх с половиной тысяч заключённых. На следующий год их количество увеличилось до пяти тысяч человек. Работы по строительству комбината пошли полным ходом. В период разгара его строительства на всех объектах стало работать сорок тысяч подневольных тружеников. В качестве лишь одного примера трудового подвига заключённых можно отметить, что на болотистую местность под здание комбината была вручную насыпана песчаная подушка толщиной от шести до восьми метров [44].

30 октября 1931 года Вишерский целлюлозно-бумажный комбинат был введён в строй и в честь председателя ОГПУ назван «имени В.Р. Менжинского». Комбинат стал выпускать писчую, типографскую и картографическую бумагу, а также давать пиломатериалы. Рядом вырос город Красновышерск [47].

Полученный опыт использования рабочих рук заключённых открывал большие перспективы: вместо того чтобы «врагов народа» и других нарушителей советского законодательства просто содержать за решёткой без дела, предостав-

лялась возможность «перековать» их путём добросовестного труда на благо Родины. 27 июня 1929 года Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило постановление «Об использовании труда уголовно-заключённых», которым предписывалось в дополнение к единственному тогда Соловецкому лагерю создать сеть новых лагерей в отдалённых районах страны с целью их колонизации и разработки «природных богатств путём применения труда лишённых свободы». В плане реализации этого постановления по решению Совнаркома все концентрационные лагеря были переименованы в «исправительно-трудовые». Находившиеся в ведении Наркомата юстиции, места лишения свободы стали передаваться в Наркомат внутренних дел, и с 1934 года полностью сосредоточились в НКВД.

Ещё до завершения строительства Вишерского комбината стало ясно, что эксперимент с использованием заключённых вполне удался. В связи с этим постановлением Совнаркома СССР от 11 июля 1929 года отныне именно на ОГПУ возлагалась задача «развития наименее доступных, наиболее трудно осваиваемых и вместе с тем обладающих огромными естественными богатствами окраин нашего Союза, путём использования труда изолируемых социально-опасных элементов, колонизации ими малонаселённых мест». В принципе, эта идея, ставшая основной экономической доктриной ГУЛАГа, принадлежала Дзержинскому Ф.Э., который ещё в 1924 году писал, что «преступниками должны заселяться пустынные, бездорожные местности» [43].

В развитие этого постановления нарком внутренних дел 25 апреля 1930 года издал приказ, говоривший о том, что «одним из важнейших условий успешного выполнения этой правительственной задачи по организации новых лагерей в Сибири, на Севере, на Дальнем Востоке, в Средней Азии является комплектование руководящего состава лагерей из чекистских кадров». Надежда возлагалась на то, что «чекисты не раз показывали себя энтузиастами всякого нового дела». Им поручалось создать исправительно-трудовые лагеря, наподобие Соловецкого, которые «должны сыграть преобразовательную роль в хозяйстве и культуре далёких окраин». Для этой «ответственной, руководящей работы», «в условиях специфической обстановки» необходимы были «твёрдые чекисты» с крепким здоровьем, добровольно пожелавшие поехать и жить в отдалённых районах. Для «добровольцев из чекистских кадров», запись которых была немедленно организована, срок службы в лагерях устанавливался трёхгодичный и, «учитывая особые и трудные условия работы», предоставлялись льготы: к получаемой зарплате «в зависимости от местоположения» предусматривались надбавка до 50 % и отпуск раз в год сроком на два месяца «с выдачей пособия в размере месячного оклада». Кроме того, администрации предписывалось «установить ежемесячную посылку добровольцам книжных пайков бесплатно за счёт ОГПУ и обеспечить их максимальными льготами по приобретению предметов культурной необходимости, радиоаппаратуры, спортив-

ных принадлежностей и проч.» Отметим, что столь «привлекательные условия» не вызвали массового потока добровольцев, в связи с чем комплектация администрации лагерей происходила в основном за счёт провинившихся и даже осуждённых работников ОГПУ-НКВД-МВД [43].

Тем не менее создание «Архипелага ГУЛАГ» пошло полным ходом. Кратко опишем историю некоторых довоенных «великих сталинских строек», выполнявшихся силами Наркомата внутренних дел, чтобы у читателя сложилось впечатление о том, как, помимо основных функций по охране правопорядка, в этом ведомстве возникло огромное производственное «хозяйство», которым после Великой Отечественной войны суждено было в качестве министра внутренних дел руководить Сергею Никифоровичу Круглову.

Следующим удачным опытом для лагерной системы стало строительство Беломорско-Балтийского водного пути (ББВП) или Беломорканала, мысли о прокладке которого существовали ещё при Петре I, но только в советское время смогли воплотиться в реальность.

К маю 1930 года в Совете Труда и Оборона СССР подготовили докладную записку «О сооружении Балтийско-Беломорского пути», в которой говорилось, что трасса канала будет проходить от Ленинградского порта по реке Неве, через Ладожское озеро, по реке Свирь, через Онежское озеро и Онежско-Беломорский канал к Белому морю в Сорокской губе. Общая длина трассы составляла 906 километров. Про-

должительность навигации в соответствии с климатическими условиями планировалась от 150 до 170 дней в году. Канал предназначался для плавания судов морского, озёрного и речного типов с максимальной осадкой в пять с половиной метров (18 футов). Военно-стратегическое значение ББВП состояло в решении вопросов обороны побережья «от финской границы до доступных для мореплавания берегов Сибири», наличии «свободного выхода в океан через Север», возможности «маневренных перебросок в военное время кораблей или целых соединений с одного морского или речного театра на другой». В транспортном и народно-хозяйственном плане канал позволял обеспечить «связь Ленинграда с Архангельском и всеми портами Белого моря и Мурманским побережьем, а через Северные морские пути с Сибирью». За счёт получения «мощных источников дешёвой водной энергии путём строительства при плотинах гидростанций», открывалась возможность развития на этой базе «всех отраслей народного хозяйства Северного края» и использования «ещё нетронутых сырьевых ресурсов, таких, как: лес, рыба, железо, медь, цинк, мрамор, полевой шпат, гранит и т. п.». Кроме того, сооружение канала способствовало «колонизации и пролетаризации края», что создавало «в пограничной полосе крепкие рабочие центры». Стоимость прокладки ББВП оценивалась в 350 млн. рублей.

При обсуждении этой докладной записки 5 мая 1930 года на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) среди партийных руко-

водителей не было единства по данной проблеме, но Сталин И.В. убедил в необходимости осуществления данного строительства «главным образом силами ОГПУ». В итоге приняли решение: «Признать целесообразным постройку Балтийского-Беломорского канала». Причём при проведении технических изысканий, определении сумм затрат и составлении плана строительства предписывалось «учесть возможность привлечения уголовного труда к этим работам».

Срок сооружения ББВП был установлен в 3 года с момента утверждения проекта, состоявшегося 15 мая 1931 года, но потом его сократили на год.

Начальником Беломорстроя был назначен начальник ГУ-ЛАГа ОГПУ Коган Л.И., а заместителем – его помощник по Главку Рапопорт Я.Д. Упоминавшийся нами Френкель Н.А. являлся в ту пору начальником работ и помощником главного инженера.

Рабочих для Беломорстроя поставлял Соловецкий лагерь ОГПУ. В 1930 году были выделены первые 600 заключённых для работы в изыскательских партиях. К середине 1931 года число подневольных тружеников возросло до десяти тысяч. По состоянию на 1 января 1932 года в Белбалтлаге насчитывалось уже 64400 заключённых, весной того же года – 80200, к лету их число возросло до 122800, а на октябрь месяц достигло своего максимума в 125000 человек. Затем количество заключённых стало уменьшаться как за счёт переброски части рабочих на строительство канала Москва – Волга,

так и за счёт освобождения наиболее отличившихся.

Важную роль в повышении производительности труда заключённых, нацеленных на выполнение и перевыполнение норм выработки (на земляных работах составлявших 2,5 куб. метров в день), играли моральные и особенно материальные стимулы. Передовым бригадам вручались Почётные знамёна, объявлялись благодарности и вручались грамоты, имена наиболее отличившихся зеков помещались на Доску почёта. Выполнявшие и перевыполнявшие нормы подневольные труженики получали усиленный хлебный паёк (до 1200 грамм), премиальное блюдо (премблюда обычно представляло собой 75-граммовые пирожки с капустой или картофелем) или денежное вознаграждение. Но самым распространённым и желанным поощрением был, конечно, зачёт рабочих дней. Перевыполнявшие нормы выработки могли рассчитывать на зачёт трёх дней работы за пять дней срока, а для ударников зачёт составлял «день за два». В случае же нарушения дисциплины, отказа от работы или фальсификации производственных показателей («туфты») применялись наказания в виде урезания пайка, помещения в РУР (роту усиленного режима), отмены зачётов, а иногда и предания суду.

Благодаря «трудовому энтузиазму» каналармейцев, грамотной работе инженерно-технического состава и неослабному вниманию со стороны высшего руководства страны, к началу 1933 года большинство сооружений ББВП было за-

кончено и весной началось заполнение трассы канала водой. 28 мая 1933 года по водному пути двинулся первый караван судов во главе с пароходом «Чекист». Чуть раньше из Ленинграда вышли эскадренные миноносцы «Урицкий» и «Валериан Куйбышев», сторожевые корабли «Смерч» и «Ураган», подводные лодки Д-1, Д-2 и Д-3. Успешно добравшись до Сорокской губы на Белом море, эскадра приняла на борт руководителей Советского государства.

2 августа 1933 года Молотов В.М. подписал постановление СНК СССР «Об открытии Беломоро-Балтийского канала имени товарища Сталина», построенного в рекордный срок – всего за 20 месяцев. Длина канала от Онежского озера до Белого моря составила 227 километров. На трассе было сооружено 128 сложных гидротехнических сооружений, среди которых: шлюзов – 19, плотин – 15, водоспусков – 12, дамб – 49, искусственных каналов – 33. В постановлении отмечалось, что в процессе строительства «на основе правильного проведения исправительно-трудовой политики Советской власти, Главное управление исправительно-трудовыми лагерями ОГПУ провело большую политико-воспитательную работу среди заключённых, получивших трудовые навыки и квалификацию и в целом ряде случаев хорошо проявивших себя в работе на строительстве».

Наиболее отличившихся работников, инженеров и руководителей Беломорстроя наградили орденами. В числе удостоенных ордена Ленина были заместитель председателя

ОГПУ Ягода Г.Г., начальник Беломорстроя Коган Л.И., начальник ГУЛАГа ОГПУ Берман М.Д., заместитель начальника Беломорстроя (он же заместитель начальника ГУЛАГа) Рапопорт Я.Д., заместитель главного инженера Беломорстроя Жук С.Я., помощник начальника Беломорстроя и начальник работ Френкель Н.А. и другие.

Из «участников строительства» полностью были освобождены из-под стражи 12484 человека «как вполне исправившиеся и ставшие полезными для социалистического строительства», были сокращены сроки отбывания наказания для 59516 заключённых, снята судимость и восстановлены в гражданских правах 500 человек [45].

Если Беломорско-Балтийский канал явился одной из крупнейших строек первой пятилетки, то следующая пятилетка прославилась прокладкой канала Москва – Волга. Решение о строительстве этого канала было принято на июньском 1931 года пленуме ЦК ВКП(б). Дело в том, что разраставшаяся в размерах столица страдала от нехватки воды. Предлагалось соединить Москву-реку с верховьем Волги так, чтобы не только устранить проблему обеспечения города водой, но и поднять уровень акватории с тем, чтобы в Москву могли заходить большие пароходы. Строительство канала длиной 127 километров было отнесено к особому списку крупных индустриальных строек с выделением стройматериалов целевыми фондами.

В руководстве Москва-Волгостроя (МВС) замечали фа-

милиии, знакомые по Беломорстрою: начальник строительства Коган Л.И., заместитель начальника Рапопорт Я.Д., заместитель, затем главный инженер Жук С.Я. и другие.

Для обеспечения рабочей силой Наркомат труда СССР начал вести вербовку вольнонаёмной рабочей силы, а в сентябре 1932 года в районе города Дмитрова Московской области был организован Дмитровский исправительно-трудовой лагерь (ИТЛ) ОГПУ. С учётом близости к столице в ИТЛ устанавливался усиленный режим охраны, исключавший возможность побега заключённых. В Дмитрлаг запрещалось направлять осуждённых по политическим статьям, за бандитизм, иностранных подданных и уроженцев Москвы и Подмосковья. Со следующего месяца стали поступать заключённые. По состоянию на 1 января 1933 года их числилось 10400, весной стало 39328, летом – 53116, осенью – 86914, а через год – 88534.

На проходившем с 26 января по 10 февраля 1934 года XVII съезде ВКП(б) первый секретарь Московского горкома партии Хрущёв Н.С. сказал, что в Москве и области сейчас ведутся две стройки союзного значения – метрополитен и канал Москва – Волга. Кстати, на строительстве метро заключённые не использовались.

4 июня 1934 года трассу канала посетили Сталин, Каганович, Ворошилов, Куйбышев, Жданов, Ягода, а затем и другие руководители партии и правительства, представители культуры. Пожалуй, на этой стройке, находившейся вблизи

столицы, наиболее интенсивно проводилась «работа по трудовому перевоспитанию заключённых». Так, в июне 1934 года проходил Вселатерный слёт ударников-тридцатипятичников (осуждённых за воровство по статье 35 Уголовного кодекса РСФСР), приветствие которому прислал Максим Горький. 15 сентября того же года состоялся слёт лагерных корреспондентов и писателей, на котором выступил писатель Всеволод Иванов. Силами заключённых выпускались газеты «Перековка», «Каналармейка», «Долой неграмотность» и другие, журналы «На штурм трассы», «Москва-Волгострой» и даже книжная серия «Библиотечка Перековки». Например, тираж самой популярной газеты «Перековка» достиг 30000 экземпляров, объединив вокруг себя 5000 лагерных корреспондентов. В Дмитровском лагере было организовано спортивное общество «Динамо», создан Музей строительства, использовавший в том числе экспонаты с Беломорско-Балтийского водного пути. «В целях художественного отображения строительства канала в живописи, графике, рисунке и скульптуре», к 19-й годовщине Октябрьской революции была организована Вселатерная художественная выставка каналармейского искусства. Состоялся конкурс каналармейской музыки, в жюри которого входили известные советские композиторы Белый В.А., Дзержинский И.И., Кабалевский Д.Б., Старокадомский М.Л., Чемберджи М.К. и Шехтер Б.С.

В соответствии с приказом НКВД СССР от 29 апреля 1935 года «все хорошо работающие заключённые должны

быть окружены особым вниманием и в первую очередь обеспечиваться хорошим снабжением, удобным жильём и улучшенным питанием, а все лодыри, отказчики и вредители стройки должны беспощадно караться, а наиболее злостные из них привлекаться к уголовной ответственности как за сознательный саботаж и срыв строительства канала».

В разгар строительства в работах участвовали почти 200 тысяч заключённых. Приказом по МВС и Дмитлагу от 25 октября 1936 года было увеличено до 15 в месяц число «мясных дней» с увеличением нормы отпуска мяса на 40 %. В остальные, «рыбные дни» норма увеличивалась на 20 %. По общелагерному котлу на одного заключённого в день полагалось хлеба ржаного – 400 грамм, крупы разной – 100 грамм, мяса – 140 грамм, рыбы – 240 грамм, картофеля и овощей 700 грамм.

С марта 1937 года, после ареста одного из главных строителей канала Москва – Волга Ягоды Г.Г., на чекистские кадры Дмитрлага обрушилась волна репрессий. Это оказалось связано с тем, что решено было убрать людей начальника Дмитрлага Фирина-Пупко С.Г., слишком развившего демократические принципы. Арестованных обвинили в заговорщической деятельности, направленной на организацию терактов с использованием заключённых подмосковных лагерей при посещении канала членами правительства. По приказу нового наркома внутренних дел Ежова Н.И. строительные работы следовало срочно завершать, а лагеря с заключёнными

ми сворачивать, перебрасывая рабочую силу в другие места. 4 июля 1937 года Сталин И.В. и Молотов В.М. подписали совместное постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об окончании строительства канала Москва – Волга» и открытии по нему пассажирского и грузового движения. «За выдающиеся успехи в деле строительства канала» 404 представителя руководящего состава наградили орденами, а главного инженера Жука С.Я. «за исключительные заслуги», кроме того, премировали автомашиной ЗИС. За ударную работу досрочно освободили 55000 заключённых, приняв меры «к скорейшему устройству их на работу» [47].

Со значительно большими трудностями происходило освоение окраин страны. После завершения своей первой стройки Берзин Э.П. по предписанию, подписанному лично Сталиным, поехал на Колыму обеспечивать там добычу золота. В этом суровом краю, где средняя летняя температура не превышает 8—10 градусов тепла, а зимой обычные для здешних мест морозы держатся на отметке минус 40 градусов, золото уже пытались взять и русские промышленники, и американские бизнесмены, но ничего серьёзного у них не получилось. Только Сталин сумел создать такую систему, при которой из природной кладовой удалось извлечь в общей сложности сотни тонн драгоценного металла, пошедших на развитие народного хозяйства страны.

По переписи 1926 года, население Колымского края составляли лишь 28520 человек «малых народов Севера» (чук-

чей, эскимосов, якутов, коряков, тунгусов и других, причём половина из них вела кочевой образ жизни) да две с половиной тысячи «пришлых». Попытки привлечь к разработке месторождений старательские артели срывались из-за невозможности организовать их снабжение. В 1929 году на Колымских приисках добыли лишь 189 килограмм золота, на следующий год – 274,5 килограмма, но в последующем выработка снизилась до 153 килограмм. И это в то время, когда страна крайне нуждалась в валюте, а на помощь из-за рубежа рассчитывать не приходилось.

Первый раз вопрос о золотодобыче на Колыме обсуждался на заседании Политбюро 20 августа 1931 года. Эта проблема сразу стала приоритетной, тем более что этот край оказался богатым не только золотом, но и оловом вместе с другими редкими полезными ископаемыми. Для всемерного форсирования разведки и использования всех возможностей «для немедленной и максимальной добычи золота», а также одновременной подготовки базы «для развертывания капитальных работ по нормальной эксплуатации районов» из резервного фонда СНК СССР выделили 20 миллионов рублей.

Осенью 1931 года ледорез «Литке», пароходы «Сучан» и «Сясьстрой» доставили в бухту Нагаево первую партию работников специального треста «Дальстрой», подчинявшегося непосредственно ЦК ВКП(б). Однако действительность оказалась гораздо сложнее, поскольку из-за непроходимости этих мест два года пришлось потратить на строитель-

ство дорог от морского порта до приисков и на возведение жилья. Только в 1934 году начался массовый завоз заключённых в организованный здесь Севвостлаг (Северо-Восточный лагерь ОГПУ-НКВД). Добыча золота сразу же возросла во много раз, составив к концу этого года пять с половиной тонн.

Конечно, условия жизни и работы для заключённых в Колымском краю были чрезвычайно тяжелы, в связи с чем это место стали использовать для изоляции наиболее опасных преступников, осуждавшихся за бандитизм и разбой. Для обеспечения жизнедеятельности каждого заключённого необходимо было завезти морским путём за несколько тысяч километров от материковых портов не менее одной тонны грузов в год. При этом другие ведомства, поставлявшие товары для Дальстроя, всегда стремились ограничить их запросы так, что в конфликтные ситуации приходилось вмешиваться даже Политбюро и СНК.

Среднесписочная численность заключённых Севвостлага в 1935 году составляла порядка 44 тысяч человек, а в следующем году достигла 63 тысяч человек. К этому времени снабжение тружеников Колымы значительно улучшилось, поскольку возросли ресурсы страны, установились транспортные связи, а главное, появился весомый выход химически чистого золота от 14 с половиной тысяч килограмм до 33360 килограмм.

В юбилейном приказе НКВД от 1 ноября 1936 года по

случаю пятилетия со дня начала освоения Колымы отмечалось, что добыча рассыпного золота достигла таких размеров, что Дальстрой выдвинулся на первое место среди золотопромышленных районов Союза. Построен порт в бухте Нагаево, на реке Колыме создан крупный речной флот, проложена автомобильная дорога в глубинные районы, возведены десятки посёлков с электростанциями, промышленными и коммунальными предприятиями, больницами, организованы совхозы, поставляющие овощи, мясо и молочные продукты. Все дети коренного населения стали посещать школу.

Наращивание численности работавших в Дальстрое и получение средств механизации позволили добыть в 1937 году 51515 килограмм золота с себестоимостью одного грамма металла значительно ниже мировой. Вместе с тем проводившиеся в стране репрессии повлияли на жизнь Колымского края в том плане, что арест ряда руководителей Наркомата внутренних дел нарушил чёткость работы и снабжения, а прибытие «с материка» значительного количества заключённых создало серьёзные трудности в их размещении и обеспечении. В таких условиях смертность подневольных рабочих значительно возросла.

В 1938 году Дальстрой из центрального подчинения перешёл непосредственно в ведение НКВД, став Главным управлением строительства Дальнего Севера (ГУСДС), основой которого являлся Севвосттрудлагерь НКВД. Начальником ГУСДС в 1939 году был назначен комиссар госбезопасности

III ранга Никишов И.Ф. В предвоенные годы Дальстрой продолжал наращивать добычу золота, к которому прибавилось ещё и получение олова. Пик добычи золота за всю историю Колымы пришёлся на 1940 год и достиг 80028 килограмм, что составило более половины от общесоюзного производства этого драгоценного металла [47].

При бескрайних просторах Страны Советов одной из серьёзных проблем всегда были транспортные пути. Основной упор делался на железные дороги как более надёжные и грузоподъёмные. Так, в 1937 году 90 % грузооборота пришлось на железнодорожный транспорт, 8 % – на речной и только 2 % – на автомобильный. В царское время на территории России была построена определённая сеть железных дорог, которая связала даже европейский центральный регион с далёким Владивостоком. Однако осенью 1931 года японские войска оккупировали Маньчжурию и вышли к границам СССР. Под их полным контролем оказалась Китайская восточная железная дорога (КВЖД). Для связи с Дальним Востоком оставалась лишь однокорейная Амурская железная дорога с пропускной способностью не более 10–12 пар поездов в сутки. Но эта дорога проходила вдоль границы, приближаясь на отдельных участках к неприязельской территории на расстояние до 20 километров. В таких условиях обеспечение войск, в случае военного конфликта, становилось невозможным.

Для разрешения данного вопроса советское правитель-

ство постановило увеличить пропускную способность Дальневосточных железных дорог путём параллельной прокладки вторых путей, а также построить новую железную дорогу от Забайкалья до Приморья на значительном расстоянии от границы. Этот дерзкий проект, получивший своё полное завершение лишь в начале XXI века, имел сначала название «Байкало-Амурская железная дорога», а потом стал именоваться «Байкало-Амурской магистралью» или знаменитым и в наше время БАМом.

13 апреля 1932 года Совет Народных Комиссаров СССР предложил Наркомату путей сообщения (НКПС) «немедленно приступить к подготовке и производству работ по постройке Байкало-Амурской железной дороги». НКПС должен был немедленно снарядить изыскательские партии и обеспечить переброску необходимых материалов, продовольствия, оборудования, специалистов и рабочей силы. Для вербовки рабочих Наркомат труда выделил несколько районов. Однако, несмотря на то, что дальневосточные железные дороги были включены в список строек оборонного значения, дело не развивалось в нужном темпе. Тогда 25 октября 1932 года СНК СССР возложил прокладку Байкало-Амурской магистрали на ОГПУ, оставив за ним и прежние крупнейшие строительства, о которых говорилось выше: окончание работ на Беломорстрое, строительство канала Москва – Волга, добычу золота на Колыме, а также «работы по Ухте и Печоре» и «заготовку дров для Ленинграда и Москвы в су-

существующих программах». Постановлением правительства было предписано для строительства БАМа использовать заключённых исправительно-трудовых лагерей ОГПУ.

Однако в связи с тем, что сооружение БАМа оказалось задачей чрезвычайно сложной, сначала все усилия были сосредоточены на прокладке вторых путей вдоль существовавшей железной дороги. Стройка растянулась почти на две тысячи километров. Вот здесь как раз и проявился организаторский талант ранее неоднократно судимого за превышение власти и вымогательство Френкеля Н.А., который в августе 1933 года стал начальником строительства, а затем и начальником Бамлага и Амурлага. Наряду с разумной организацией работ, правильным использованием техники Френкель Н.А. создал совхозы для обеспечения как вольнонаемных, так и заключённых строителей овощами, мясными и молочными продуктами, проявлял заботу об их бытовых условиях.

К концу лета 1937 года прокладка вторых железнодорожных путей, а также «глубоких обходов» была в основном завершена, и совместным постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) вновь было решено продолжить строительство Байкало-Амурской магистрали от Тайшета до Советской Гавани протяжением пять тысяч километров. С сентября 1937 года в Бамлаге было сосредоточено 140 тысяч заключённых, а к апрелю 1938 года их число возросло до 269 тысяч человек. Такое большое количество рабочих оказалось трудно управляемым, поэтому на базе данного лагеря были органи-

зованы Амурский, Буреинский, Восточный, Западный, Юго-Восточный и Южный лагеря, руководство которыми стало осуществлять Управление железнодорожного строительства ГУЛАГа НКВД на Дальнем Востоке (УЖДС НКВД на ДВ) во главе с Френкелем Н.А.

Помимо строительства на Наркомвнудел СССР возлагалась задача заселения района Байкало-Амурской магистрали рабочими, колхозниками и единоличниками, «изъявившими желание переселиться на новые места жительства», бывшими заключёнными, «освобождёнными после срока отбывания наказания, и их семьями», досрочно освобождёнными «по своей работе и поведению» из мест заключения и трудовых поселений вместе со всеми членами семьи. «Учитывая особо трудные условия», для строителей и поселенцев БАМа устанавливался ряд льгот: оклады в полуторном размере, подъёмные в двойном размере, жилплощадь за счёт строительства, бесплатные железнодорожные билеты и другое.

Постановлением СНК СССР от 3 июня 1938 года устанавливалась поэтапная очередность строительства БАМа со сроками сдачи в постоянную эксплуатацию отдельных участков, начиная с 1 ноября 1941 года и заканчивая 1 ноября 1945 года. Этим же постановлением на НКВД СССР было возложено составление проектных заданий, технических проектов и рабочих чертежей. За Наркоматом путей сообщения оставалось лишь составление основных технических условий по строительству БАМа, а все изыскательские и про-

ектные конторы вместе с их работниками переходили в ведение Наркомата внутренних дел. Москва внимательно следила за ходом прокладки железнодорожных линий и постоянно корректировала ввод в строй отдельных участков.

В докладной записке от 4 июня 1940 года на имя наркома внутренних дел СССР Берия Л.П. начальник недавно созданного Главного управления железнодорожного строительства (ГУЖДС) НКВД СССР Френкель Н.А. подвёл итог проделанной с 1933 года работе. За это время на Дальнем Востоке, говорилось в документе, осуществлено «огромное по значимости и колоссальное по объёму, протяженности и многообразию железнодорожное и оборонное строительство». Всего было проложено и находилось в постоянной и временной эксплуатации 5486 километров железнодорожного полотна, из них 4075 километров главного пути и 1411 станционных разъездов. При этом построенные вторые пути на дальневосточной трассе явились «мощной, первоклассной железнодорожной магистралью высокой пропускной способности, великолепно оснащённой и оборудованной на уровне требований современной железнодорожной техники». На БАМе проводились изыскания, проектирование и строительство новых линий, причём к данному времени уже было сооружено 488 километров главного пути и 38 километров станционных.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 20 июля 1940 года «за успешное выполнение заданий правительства

по строительству вторых путей и новых железных дорог на Дальнем Востоке» орденами и медалями наградили 668 работников железнодорожного строительства, в числе которых Френкель Н.А. был удостоен ордена Ленина [47].

Помимо развития дальневосточных железнодорожных магистралей ещё в 1938 году было принято правительственное решение о строительстве железной дороги на Северо-Востоке Европейской части СССР, от Котласа до Воркуты. Однако сил на всё не хватало, и потому только 10 мая 1940 года Сталин И.В. и Молотов В.М. подписали совместное постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) о строительстве Северо-Печорской железнодорожной магистрали протяжённостью 1191 километр, которая должна была обеспечить быстрое развитие производительных сил в этом регионе за счёт добычи высококачественных воркуто-печорских каменных углей. Затем эту трассу решили продлить ещё на 367 километров с тем, чтобы с её помощью соединить в итоге между собой Северную и Горьковскую железные дороги. Высокую честь «построить в кратчайший срок» новую железную дорогу по нехоженным болотам и вечной мерзлоте, в сложнейших географических и природных условиях возложили, конечно, на Наркомвнудел СССР. Временное движение поездов на всём протяжении магистрали следовало открыть в декабре 1941 года с тем, чтобы на следующий год вывезти не менее 2 миллионов тонн воркутинского угля.

В связи с окончанием и передачей в постоянную эксплуа-

тацию ряда участков на дальневосточной железнодорожной магистрали, НКВД разрешили «снять всю рабочую силу из заключённых и перебросить целиком лагерные подразделения с Дальнего Востока на Северо-Печорскую магистраль». Кроме того, предписывалось направить туда же заключённых из всех тюрем и колоний вне зависимости от срока их осуждения, а также забрать лагерников из других ведомств. С разных краёв на новую стройку следовало перевезти 160 тысяч человек со всем инвентарём, причём 40 тысяч с Дальнего Востока. Потом к этому добавили ещё 50 тысяч заключённых. Прокладка этой дороги велась в тяжелейшие годы войны, и многим подневольным строителям стоила их жизни [47].

Помимо железнодорожных магистралей, Наркомат внутренних дел стал отвечать и за строительство шоссейных дорог. В 1928 году Центральный Исполнительный Комитет (ЦИК) и Совнарком СССР приняли постановление, предусматривавшее коренную перестройку в области дорожного строительства и автомобильного хозяйства. В Наркомате путей сообщения создали Центральное управление шоссейных и грунтовых дорог (Цудортранс). Начали строить дороги разных видов: улучшенные грунтовые, гравийные, щебёночные и с асфальтобетонным покрытием. Появилась новая дорожно-строительная техника. Возросло участие местного населения в создании проезжих путей вблизи посёлков, деревень, пашен и других местных объектов. Однако

результаты работы оставались достаточно скромными, поскольку число дорог возрастало в основном за счёт низших типов покрытий, для ремонта которых, с учётом российских климатических условий, стало требоваться больше сил и средств, чем для строительства новых. В связи с этим постановлением правительственных органов в 1935 году Цудорттранс был передан в подчинение НКВД, где его преобразовали в Главное управление шоссейных дорог (ГУШО-СДОР). Нарком внутренних дел в своём приказе от 10 января 1936 года так определил стратегию развития дорожной отрасли: «в целях максимального удешевления стоимости строительства и капитального ремонта дорог» обеспечение рабочей силой возложить на Главное управление лагерей НКВД. Административно-чекистский аппарат формировать на местах. Кроме подневольных рабочих, разрешалось привлекать сельское население «на условиях непосредственного бесплатного личного труда». Другой приказ, от 3 марта 1936 года, гласил: «Решение правительства о передаче дорожного хозяйства Союза Наркомату внутренних дел обязывает нас в самый кратчайший срок и с минимальными затратами привести дорожное хозяйство в соответствие с требованиями, предъявляемыми к нему нашей социалистической промышленностью, сельским хозяйством и интересами обороны. Мы научились неплохо строить железные дороги, гидротехнические сооружения, а теперь должны овладеть строительством и ремонтом автогужевых дорог. Мы обязаны строить быст-

ро, прочно, красиво и дёшево. Построенное нами земляное полотно, мосты и прочие сооружения должны служить сотни лет».

Планы правительства действительно были грандиозные. Наркомату внутренних дел предлагалось за несколько месяцев закончить изыскания, составить проекты и сметы на строительство «по автомагистралям и оборонным дорогам» Москва – Харьков, Харьков – Ростов, Москва – Ярославль, Ростов – Орджоникидзе, Москва – Горький – Казань – Свердловск, Москва – Ленинград, Ленинград – Киев (реконструкция) и другим направлениям. Затем на НКВД возложили строительство ещё двух автомагистралей, «имеющих огромное народнохозяйственное и оборонное значение»: Москва – Киев и Москва – Минск. Для производства работ вдоль трасс строившихся дорог создавали лагеря, куда в зависимости от производственных нужд завозили тысячи заключённых. Во время репрессий тридцатых годов пострадали все быстро сменявшиеся начальники ГУШОСДОРа, и исполняющим обязанности руководителя Главка длительное время был капитан госбезопасности Малинин Н.Ф. Эта чехарда с руководством отрицательно сказалась на выполнении дорожно-строительных работ. Положение стабилизировалось и получило поступательную динамику, когда в 1939 году начальником этого Главка поставили профессионального дорожника Федорова В.Т. [50].

Программа форсированной индустриализации Страны

Советов предусматривала строительство ряда крупнейших промышленных предприятий, таких как Сталинградский тракторный завод, Керченский металлургический завод, Мариупольский трубный завод, Ростовский завод сельхозмашин, Уральский машиностроительный завод, «Уралмедьстрой», Карсакпайский комбинат «Азбасцветмет» и многих других. При выборе районов для возведения новых предприятий предполагалось это делать с учётом местных «запасов людей». Однако не всегда удавалось так поступать. Например, «привязка» Магнитогорского металлургического комбината определялась местоположением горы Магнитной на Южном Урале. Значительного населения здесь не было. Несмотря на пропагандистские усилия и старания партийных идеологов, эта огромная стройка не привлекала к себе квалифицированных рабочих и инженеров («комсомольцев-добровольцев»). Первоначально сюда стекались крестьяне из российских деревень в поисках работы и хлеба. Но тяжелейшие жилищные условия, неустроенность быта, нехватка продуктов питания, крайне слабое медицинское обслуживание приводили к тому, что «убыль и прибыль рабочих» доходили до 70 % в год. Помощь в обеспечении рабочей силой оказало ОГПУ, которое при раскулачивании «приписало» к Магнитогорской стройке свыше 40 тысяч спецпереселенцев. Люди жили и работали в тяжелейших условиях. По состоянию на середину 1938 года по отделу учёта ГУЛАГа НКВД всего числилось около миллиона

«бывших кулаков», которых с некоторых пор стали называть трудпоселенцами [42].

Если Магнитогорский металлургический завод и начавший работать с ним в паре по производству металла Кузнецкий угольный бассейн возводились руками вольнонаёмных тружеников и спецпереселенцев, то Норильский никелевый комбинат, решение о строительстве которого было принято в июне 1935 года, создавался исключительно руками заключённых. Эта «ударная стройка», расположенная на вечной мерзлоте за Полярным кругом, полностью была возложена на Наркомат внутренних дел. Там, где когда-то стояли несколько приземистых бараков, продувавшихся студёными ветрами, выросли огромный комбинат и красивейший город, являющий собой миниатюрное подобие Санкт-Петербурга. Большая заслуга в деле обеспечения производства норильского никеля принадлежала начальнику этого комбината Захарию А.П. [51].

В предвоенные годы, помимо перечисленных выше объектов, силами заключённых НКВД были построены комбинат «Североникель» в Мурманской области, Дзержинский комбинат по производству олова и меди в Казахстане, Ухто-Печорский трест по добыче угля и нефти на Европейском Севере, Карагандинский и Среднеазиатский лагеря по производству сельскохозяйственной продукции, строились гидроэлектростанции, сульфитно-спиртовые, авиационные заводы, склады для хранения резервных государственных фондов про-

довольственных и промышленных товаров и другие объекты. Приток рабочей силы, вызванный увеличением числа заключённых в процессе массовых репрессий, привёл к появлению семи крупных лесозаготовительных лагерей, не требовавших для своего создания серьёзных технических работ. Но эти лагеря оказались чрезвычайно нужными в плане создания новой базовой отрасли, а потому сумели пережить все многочисленные реорганизации, проходившие в лагерных главках НКВД [52].

С марта 1941 года началось строительство многочисленных аэродромов для военно-воздушных сил Красной армии. Кроме того, в системе НКВД работало Особое техническое бюро, с несколькими Отдельными конструкторскими бюро (ОКБ), расположенными на оборонных заводах. В простонародье эти ОКБ назывались «шарашками», однако благодаря сосредоточению в них значительных интеллектуальных сил, именно здесь создавались прекрасные проекты современной военной техники.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.